

Ю. Г. Виноградов

СИНОПА И ОЛЬВИЯ В V В. ДО Н. Э. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

(часть II)

В первой части исследования¹, посвященной политическому устройству Синопы V в. до н. э. и публикации нового ольвийского декрета, я попытался доказать, что постановление было издано в честь беглого тирана Тимесилея и подтверждает, таким образом, в деталях свидетельство Плутарха (Per. 20, 1—2) о Понтийской экспедиции Перикла. Теперь нам предстоит заняться государственным устройством новой родины Тимесилея — Ольвии, начав с вопросов, которыми заключалась предыдущая публикация: куда вообще бежали изгнанные тираны; почему семья синопского правителя выбрала в качестве нового места жительства Ольвию и почему они были там столь радушно приняты?

Ответ на эти вопросы значительно облегчается всеобъемлющим исследованием Х. Берве о греческой тирании² и недавно вышедшей фундаментальной монографией Я. Зайберта о политических беженцах и изгнанниках в древней Греции³, так что нам остается лишь сопоставить уже собранные там свидетельства древних авторов.

1. После печально знаменитого провала попытки Килона установить тиранию в Афинах (в 636 или 632 г. до н. э.) он вместе с братьями бежал в Мегары к своему тестю, тирану Феагену⁴.

2. Писистратид Гиппий заранее готовил себе убежище на случай изгнания, выдав свою дочь Архедикю за Эантида, сына лампсакского тирана Гипнокла, который к тому же был в хороших отношениях с персидским царем. После изгнания он отправился сперва в бывшее владение отца Сигей, потом к зятю-тирану в Лампсак, а оттуда, наконец, в Персию⁵.

¹ ВДИ, 1981, № 2.

² Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. В. 1, II. München, 1967 (далее — Berve).

³ Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Impulse der Forschung, В. 30. Darmstadt, 1979 (далее — Seibert). Работа: Grasmück E. L. Exylium. Untersuchungen zur Verbannung in der Antike. Paderborn, 1978, посвященная той же теме, что и книга Я. Зайберта, далеко уступает последней по глубине исследования и полноте привлекаемого материала. Стремись рассмотреть изгнание как явление правового порядка, автор базируется по преимуществу не на самих источниках, а на обобщающей их современной литературе. Монография: Balogh E. Political Refugees in Ancient Greece. Johannesburg, 1943, устарела и по охвату материала оставляет желать много лучшего.

⁴ Herod., V, 74; Thuc., I, 126; Plut., Sol. 12; Scholia in Aristophanis Equites, ed. D. M. Jones, N. G. Wilson, Groningen, 1969, p. 115, 445a, II. Ср. Berve, II, S. 539 f.; Seibert, S. 419.

⁵ Thuc., VI, 59, 3—4; Berve, I, S. 71 f.; Seibert, S. 419, Anm. 95.

3. В VII в. до н. э. за власть в Милете боролись два тирана — Леодам и Амфитрей. После того как последний убил первого, сыновья Леодама бежали в Ассесос к тамошнему правителю (τοῦ ἐνότου ἀρχοντος), которого в свое время поставил сам Леодам ⁶.

4. Монарх (по сути правления тиран) Кирены Аркесилай III вследствие волнений в городе вынужден был отправиться в изгнание на Самос (в 518/517 г. до н. э.), где правил тиран Мэандрий ⁷, а, скорее, уже Эак ⁸.

5. По не лишнему основанию предположению Я. Зайберта ⁹, изгнанный Тероном из Гимеры тиран Регилл нашел пристанище у своего зятя, тирана Регия и Занклы Анаксилая, который его всячески поддерживал (Herod., VII, 165).

6. Тиран Коса Скиф добровольно сложил с себя около 500 г. до н. э. бремя правления и отправился в Великую Грецию, в Занклу, власть же передал своему сыну Кадму (Herod., VI, 23 sq.; VII, 163 sq.). Из Занклы он далее проследовал в Персию. Сын его Кадм через некоторое время тоже (как пишет Геродот, «по справедливости») отказался от власти и по стопам отца пустился около 490 г. также в Занклу, где был поставлен Гиппократом тираном города. Когда его впоследствии изгнал Анаксилай, он нашел приют у Гелона ¹⁰.

7. Мать вышеупомянутого Аркесилая Феретима бежала после изгнания сына на Кипр к царю Саламина Эвельтону (Herod., IV, 162). После вторичного изгнания из Кирены в 516 г. до н. э. она нашла приют и поддержку в Египте, у персидского сатрапа Арианда ¹¹.

Два последних примера (как и случай с Гипшием) показывают, что беглые тираны направлялись не только к таким же, как они, единоличным правителям полисов, но и к персам, что подтверждается и следующим случаем.

8. Милетский тиран Аристагор, сложивший с себя для видимости власть к началу Ионийского восстания (500 г. до н. э.), способствовал свержению тираний в других полисах: Страттиса на Хиосе, уже знакомого нам Эака на Самосе, Олиата в Миласе, Гистизя в Термерах, Аристагора в Киме; все они нашли пристанище опять же в Персии (Herod., VI, 9) ¹².

Известны примеры, когда изгнанные тираны выбирали новым местом жительства союзный с ними полис.

9. Последний Дейноменид Фрасибул капитулировал в 466/465 г. до н. э. перед сиракузским войском и на правах свободного ухода переселился в Локры Эпизефирийские, у которых с давних пор была тесная дружба с домом Дейноменидов и обязательства перед ними за свое спасение ¹³.

10. Дионисий II, побежденный Дионом, бежал из Сиракуз, прихватив с собой на нескольких кораблях весь свой двор и казну (Plut., Dio 37, 2—4). Оставшийся в осажденной Ортигии его сын Аполлократ заключил в 355 г. до н. э. с Дионом договор, по которому он, забирая с собой родственников, оставляет Сиракузы на пяти триерах, направляясь вслед за от-

⁶ Nicol. Dam., FGrH 90 F 52; Berve, I, S. 100 f.; Seibert, S. 20 (ошибочно назван Амфитритом).

⁷ Berve, I, S. 125.

⁸ Он фигурирует среди тиранов, стороживших мост через Истр во время скифского похода Дария (Herod., IV, 138), каковой следует теперь датировать 519 г. (см. Balcer J. Harvard Studies in Classical Philology, v. 76, 1972, p. 99—132). О бегстве Аркесилая на Самос см. Herod., IV, 162—164; Berve, loc. cit.; Seibert, S. 26, 620, Anm. 327.

⁹ Seibert, S. 226.

¹⁰ Herod., VII, 164; Berve, I, S. 118 f.; II, S. 588, 608; Seibert, S. 550, Anm. 42.

¹¹ Herod., IV, 165; Berve, I, S. 125; Seibert, S. 26, 620, Anm. 327.

¹² Ср. Seibert, S. 28.

¹³ Diod., XI, 68, 4, 7; ср. Berve, I, S. 153; Seibert, S. 227.

цом. Оба отплыли в Локры — родину матери Дионисия и союзный с ними город ¹⁴.

11. Неизвестно, были ли связаны союзными отношениями приенский тиран Гиерон и Родос, куда в 297 г. до н. э. бежали сторонники первого после его свержения (а может быть, даже и он сам), но такой возможности исключать не приходится ¹⁵.

Нередки случаи, когда изгнанные тираны искали прибежища в Пелопоннесе, прежде всего в Спарте.

12. Тиран Пиндар по приказу Креза покинул в 50-е годы VI в. до н. э. Эфес вместе с приверженцами (τῶν φίλων) и семьей (τὸν υἱόν) и переселился, прихватив большую часть имущества (τῆς οὐσίης τὸ πλεῖστον), в Пелопоннес ¹⁶.

13. Мэандрий, правивший Самосом после Поликрата, перед лицом угрозы водворения в городе тираном его брата Силосонта, изгнанного в свое время Поликратом, бежал в Спарту, где получил в дар или приобрел дома (τὰ οἰκία), в которых и разместил свои богатства, захваченные при бегстве с родины ¹⁷.

14. Нам известен случай, когда олигархи искали крова и защиты у тиранов. Так, сиракузские олигархи, бежав от насилия Дионисия Младшего, попросили убежища у тирана Леонтина Гикета (Plut., Timol. 1) ¹⁸.

15. Наконец, весьма показателен в связи с интересующим нас вопросом следующий прецедент. В 472 г. тиран Гимеры Трасидеи после свержения его Гиероном Сиракузским бежал в Грецию — в Мегары Нисейские, где, однако, был приговорен к смерти и казнен ¹⁹. Мы не знаем подробностей относительно причин его казни, однако все же примечательно, что единственная, по-видимому, из сохранных нам источниками попыток экс-тирана найти убежище у олигархов (Спарта — особая статья) закончилась столь плачевно!

После всех приведенных выше свидетельств трудно не поверить в справедливость заключения Я. Зайберта: «Выбор [нового места жительства беглецами. — Ю. В.] мог быть определен главным образом внутри- и внешнеполитической ориентацией. Враги тирании едва ли искали себе защиты у какого-нибудь тирана, не более чем изгнанные демократы у олигархов или наоборот ²⁰... Тираны искали приюта у тиранов или единоличных правителей...» ²¹.

Уже из одного этого напрашивается логический вывод, что в Ольвии к моменту изгнания Тимесилея господствовал родственный ему автократический режим, который в силу каких-то неизвестных нам тесных связей между ними не только предоставил беглецу и его семье кров и условия безбедного существования ²², но и всячески его обласкал, поставив в более выгодное, чем жителей полиса, материальное положение. Действительно, нам хорошо известно, как тесно были переплетены родственными и политическими узами греческие тирании ²³. Кроме приведенных выше фактов

¹⁴ Plut., Dio 50; ср. Berve, I, S. 270 ff.; Seibert, S. 254.

¹⁵ Inschr. Priene 37.78; ср. Seibert, S. 176.

¹⁶ Aelian., VH, III, 26; Polyæn., VI, 50; Herod., I, 26; ср. Berve, I, S. 99; Seibert, S. 9.

¹⁷ Herod., III, 148; ср. Seibert, S. 424, Anm. 170 — автор полагает, что дома были предоставлены не только ему, но и его сторонникам.

¹⁸ Ср. Seibert, S. 256: «Беглецы променяли власть одного тирана на власть другого. При тогдашних условиях в Сицилии у них, однако, не было иной возможности».

¹⁹ Diod., XI, 53, 5; ср. Berve, I, S. 136; Seibert, S. 227, 552. Anm. 51.

²⁰ Seibert, S. 391.

²¹ Ibid., S. 620, Anm. 327.

²² В этом отношении показателен случай с Мэандрием (№ 13).

²³ См. Gernet L. Mariages de tyrants.— In: Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968, p. 344—359.

(№ 1, 2, 3, 5, 9, 10) достаточно ограничиться ссылкой на биографию Гиерона, который в 480/479 г. стал зятем регийского тирана Анаксилая²⁴; третий брак Гиерон заключил с племянницей Терона, тирана Акраганта²⁵. Не исключено, что и ольвиополиты были обязаны синопским тиранам приобретением каких-то привилегий: если учесть тесные торговые связи обоих городов, то, по-видимому, наряду с прочими — льготами экономического порядка.

Судя по тому, что Тимесилей получил в Ольвии энктесис, за которым должна была последовать купля недешевого, видимо, в условиях стенохории участка, а также, пользуясь льготами ателии²⁶, рассчитывал вложить свой капитал и в торговлю, он прибыл на берега Борисфена не нищим просителем. В благодарность за дарованные ему привилегии он вполне мог пожертвовать деньги, например, на организацию празднеств, украшение святилища статуями и другими памятниками и т. п. (что было присуще пропагандистской политике тиранов²⁷), иными словами, способствовать в известной степени процветанию города и его архитектурному благоустройству²⁸.

Итак, мысль о тираническом управлении Ольвией в V в. до н. э., как следует хотя бы из вышеприведенных соображений, вовсе не лишена оснований. Но может быть, в полисе господствовал в эту эпоху какой-то другой политический режим, к примеру, олигархический? Анализом нижеследующих источников я постараюсь отклонить это само по себе вероятное предположение.

Сразу следует оговориться, что идея об ольвийской тирании не нова. Наряду с высказанным без малого сто лет назад и устоявшимся в науке постулатом В. В. Латышева, считавшего, что «Ольвия во все времена своего существования представляется нам с резко очерченными признаками благоустроенной демократической республики»²⁹, раздавались и другие голоса, утверждавшие, что Ольвия управлялась в V в. тиранами или скифскими правителями³⁰. Поскольку эти высказанные вскользь мнения основываются (за одним исключением) на материале монет (преимущественно

²⁴ Schol. Pind., Pyth. 1, 112.

²⁵ Schol. Pind., Ol. 2, 29c; ср. Berve, I, S. 149 f.; Vallet G. Note sur la «maison» des Deinoméniades. — In: Φιλίας χάριν. Miscellanea di studi classiche in onore di E. Mani. Roma, 1980, t. VI, p. 2139—2156.

²⁶ Сочетание в декрете *πολιτείας καὶ ἀτελείας* исключает теоретически возможное предположение о том, что под последним термином крылась *ἀτέλεια τοῦ μεταοικίου*, о которой в Ольвии мы и вообще-то не слышим.

²⁷ Ср. Kolz F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden. — JDAI, 92, 1977, S. 99—138.

²⁸ Случаи изгнания тиранов на правах беспрепятственного ухода с семьей и имуществом хорошо известны. Помимо упомянутых выше примеров Фрасибула, Аполлократа и Пиндара (№ 9, 10, 12) достаточно вспомнить Гишия, заключившего с осаждавшими афинянами соглашение о том, что в обмен на выдачу ему детей он покидает Атику в течение пяти дней со всей своей недвижимостью (Herod., V, 65,2; Arist., Ath. pol. 19,6; ср. Thuc., VI, 59,4; Seibert, S. 16 f., Anm. 94).

²⁹ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 305; ср. с. 213 сл.

³⁰ Цыбульский С. А. Греческие монеты. СПб., 1894, с. 21 («название неизвестной династии ольвийских тиранов»); Штерн Э. Р. Археологические новинки. — ЗООИД, XXV, 1904, Протоколы, с. 54 (имя «неизвестного нам властителя Ольвии»); Сальников А. Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии. — ЗОАО, I (34), 1960, с. 86; Зуц В. Л. Державный лад Ольвии в VI—I ст. до н. э. — УИЖ, 1970, 9, с. 67 сл.; Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 79.

на одной монете), это заставляет совершить краткий экскурс в ольвийскую нумизматику³¹.

Монетное дело Ольвии V в. представлено почти исключительно литой медью. На полисном рынке обращались в эту эпоху унаследованные еще от VI в. мелкие анэпиграфные номиналы в виде рыбок (так называемые «дельфинчики»), крупные «дельфины» с надписями АΡΙΧΟ (рис. 1, 2) и ΘΥ (рис. 1, 1), а также различные фракции больших полновесных обол (так называемые «ассы») без этника с изображением на реверсе колеса, между спиц которого вписаны буквы ΠΑΥΣ (рис. 1, 3) или ΑΡΙΧ (рис. 1, 4), а на аверсе несущие изображения соответственно Афины или Горгоны; имеется также тип монет с горгонеионом, на оборотной стороне которых те же буквы ΑΡΙΧ расположены между распростертыми крыльями орла, держащего в когтях дельфина (рис. 1, 5)³². Кроме того, была отчеканена и серия серебряных статеров с изображением на аверсе Геракла, натягивающего лук, и надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, а на обороте — колеса во вдавленном квадрате, в углах которого помещены четыре маленьких дельфина (рис. 1, 6)³³.

Хронология всех описанных типов не может считаться пока твердо установленной. П. О. Карышковский, пытавшийся увязать прежде смену типов с политическими событиями V в. до н. э., а именно с предполагаемой датой вхождения Ольвии в Архэ и выхода ее из Союза³⁴, сообщил мне, что теперь он склонен удревить статеры с легендой ΕΜΙΝΑΚΟ, отнеся их к 40-м годам V в. Пересмотра требует, видимо, и абсолютная хронология «ассов»³⁵. Поэтому во избежание риска в дальнейшем мы будем исходить из того бесспорного факта, что все эти монеты принадлежат в целом V в.

Для нас гораздо более интересно значение надписей на ольвийских монетах. Если отбросить попытки фантастического объяснения в научной литературе прошлого века легенд ΑΡΙΧΟ и ΘΥ³⁶ и не менее нереальную, предпринятую недавно попытку увидеть в конечном омикроне надписи ΑΡΙΧΟ этника ольвиополитов, а в ΘΥ несуществующий топоним Θωορά³⁷, то мы должны согласиться с подавляющим большинством исследователей, вполне законно читающих в этих легендах личные имена, и весь вопрос упирается в интерпретацию последних.

Названные выше (прим. 30) исследователи полагали возможным считать имя *Εμινακος* принадлежащим скифскому царю или династу, другие приписывали его наряду с *Παυς*, *Αριχος* и *Θυ* ольвийским тиранам. Эта

³¹ Ряд сообщаемых ниже сведений — результат наблюдений лучшего знатока ольвийских монет П. О. Карышковского, которому автор выражает свою искреннюю признательность за многочисленные консультации, за предоставленные фотографии монет, помещенные здесь, а также за возможность ознакомления с неизданной рукописью «Имена ольвиополитов по данным нумизматики».

³² Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л., 1951, табл. XXX, XXXI, 1—3; Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук, Л., 1969, с. 12.

³³ Зограф. Ук. соч., табл. XXXII, 1; Карышковский П. О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ.—СА, 1960, № 1, с. 179—195.

³⁴ Карышковский П. О. Ольвия и Афинский Союз.—МАСП, III, 1960, с. 84—100.

³⁵ В своей диссертации П. О. Карышковский (Монетное дело и денежное обращение Ольвии, с. 12) предлагает для «ассов» следующую хронологию: тип «Афина — колесо» — около 480—470 гг.; тип «Горгона — орел или колесо» — около 460—425 гг.

³⁶ О критике их см. Карышковский П. О. О надписях на ранних монетах Ольвии.—МАСП, IV, 1962, с. 220 сл.

³⁷ Bravo B. Un lettre sur plombe de Berezan.—In: Dialogues d'histoire ancienne, 1, 1974, p. 173 suiv. Критику ее я даю в другой работе: Полис в Северном Причерноморье.—В кн.: Античная Греция (подготавливается к печати Институтом всеобщей истории АН СССР). Ср. Брагинский И. В.—СА, 1977, № 3, с. 304.

интерпретация была со скепсисом встречена П. О. Карышковским³⁸, выяснившим ряд интересных фактов монетного литья и чеканки. Им отмечается прежде всего неодинаковая продолжительность производства разных типов: монеты с Афиной и ПАУΣ, ввиду их редкости и полного отсутствия вариантов были эмиссией одного, максимум двух лет; оболочки с ΑΡΙΧ, судя по разнообразию стилистически одновременных вариантов, лились в течение 10—15 лет; имя *Εριμαχος* бито на стateraх пятью-шестью штемпелями аверса, т. е. это также не одногодичная эмиссия³⁹. Важно, далее, что разные имена стоят на разных типах «ассов» и фигурных монет: ПАУΣ — с Афиной, ΑΡΙΧ — с Горгоной, ΘΥ — на правом, ΑΡΙΧΟ — на левом боку дельфинов, откуда делается важный вывод: «При наличии всего трех именных сокращений на литых монетах на протяжении 50—70 лет трудно представить себе, что им придавалось датирующее значение»⁴⁰. Обобщая сделанные наблюдения, автор приходит к интересному заключению: «В таком случае трудно избежать предположения о том, что все ранние монеты Ольвии не были эмиссиями ежегодно сменявшихся городских магистратов, а имена на них могли бы скорее рассматриваться как имена правителей, облеченных властью на длительный срок, например царей или тиранов»⁴¹.

Однако П. О. Карышковский не соблазнился легкостью и видимой логичностью подобной интерпретации, видимо, потому, что «сама возможность существования в Ольвии в занимающую нас эпоху монархической власти (при не менее чем четырех правителях!) является слишком рискованной, мягко выражаясь, теорией»⁴², и предложил свой, оригинальный путь решения проблемы. Исходя из того факта, что во многих греческих городах монета вначале была частной да и в V—IV вв. до н. э. такое явление наблюдалось тоже (кизикины, фокейские и митиленские гекты), он отнес производство литой монеты Ольвий V в. и (здесь осторожнее) статоров Эминака к деятельности частных предпринимателей⁴³. В защиту своей точки зрения исследователь приводит следующие аргументы.

1. Сокращения магистратских имен входят в общее употребление, не говоря о редчайших исключениях, не ранее второй четверти и даже середины IV в. до н. э.

2. Из четырех личных имен на ольвийских монетах два (Арих и Эминак) имеют явно негреческий характер, а варвары среди верхушки ольвийского общества незначительны.

3. Поскольку аэпиграфные дельфины встречаются во много раз чаще, чем прочие монеты (в том числе и дельфины с надписями), то как осуществлялся контроль за выпуском первых? Ведь их, как и монеты-стрелки, мог лить любой ремесленник.

³⁸ Карышковский. О надписях на ранних монетах Ольвии, с. 220—227; он же. Монетное дело и денежное обращение Ольвии, с. 11; он же.; Имена ольвиополитов ...

³⁹ Он же. Имена ольвиополитов ..., л. 75; ср. он же. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. Ольвійські аси.— Праці ОДУ, т. 149, вип. 7, 1959, с. 47—68.

⁴⁰ Он же. Имена ольвиополитов..., л. 74 сл.

⁴¹ Там же, л. 75 сл. Автор указывает в этой связи на ранние монеты фракийских царей и династов, а также на монеты Гишиа с его именем, после чего цитируются соответствующие мнения ученых, приведенные выше, в прим. 30.

⁴² Он же. О надписях на ранних монетах Ольвии, с. 223 сл.

⁴³ Там же, с. 223—227; он же. Имена ольвиополитов..., л. 79—81. В более ранней работе (О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, с. 189) автор считал Павс. и Ариха городскими магистратами. Едва ли имело бы смысл подробно останавливаться на высказанном недавно предложении прочесть легенду ΕΜΙΝΑΚΟ как *Ἐμὶ Νάκο(ναῖον)* — «я (монета) напоаев» (неизвестный этникон в Сицилии?), а на реверсе увидеть изображение прыжка (*Manganaro G. Fiscalismo monetale nelle città cretesi.*— In: *Scritti storico-epigrafici in memoria di M. Zambelli.* Roma, 1978, p. 222).

4. Обращение дельфинов и монет-стрелок — не единый процесс: первые были полисными денежными знаками, вторые происходят от варваров. Эта аргументация приводит автора к следующим выводам.

1. Частные лица выпускали «ассы» с полным пониманием потребностей обращения.

2. С ними вместе обращались фракции кизикинов.

3. Причина выпуска частной медной монеты — афинский закон о мерах, весах и монете.

4. Боспорское серебро с АПОА тоже, видимо, частная монета.

Как видно из вышеприведенных соображений, отправной точкой доказательства исследователь избирает мелкие анэпиграфные дельфины, которые признаются (и, видимо, не без оснований) за негосударственную монету. Но коль это так, то и повторяющие их форму, также литые большие дельфины тоже не были полисными эмиссиями, а стало быть, и имена на них не принадлежат магистратам, откуда уже один шаг до вывода о том, что и «ассы» с именными сокращениями (среди которых АΡΙΧ, встреченный и на дельфинах) лились не от имени полиса, а частными лицами, что можно допустить (резервируя сомнения) и для чеканки статеров Эминака.

Несмотря на логичность построений П. О. Карышковского, нельзя не заметить, что многие его доводы все же уязвимы. Начнем с последнего вывода, который опровергается теперь находкой в Ольвии весьма любопытного памятника: фрагмента плечиков сероглиняной мерной ойнохой с оттиском по сырой глине реверса статера Эминака — изображения колеса с дельфинами по углам *quadratum incisum*⁴⁴. Этот документ следует сопоставить с подобными же оттисками поначалу личных гемм, а потом уже, начиная с IV в. до н. э., и специальных штемпелей с именами ольвийских агораномов на мерной посуде, подтверждающих стандартность ее объема⁴⁵. Коль скоро ольвийский магистрат использовал для этой цели статер Эминака (причем не лицевую сторону с Гераклом, а обратную — с полисными символами), то он рассматривал эту монету как *полисную*, каковой она, на самом деле, и была.

Во-вторых, методически неправомерно, думается, ставить в один ряд такие разнохарактерные денежные знаки, как мелкие дельфины, с одной стороны, и «ассы» вместе с крупными дельфинами — с другой, только на том основании, что все они литые. Первые вполне могли быть частной монетой, но как осуществлялся контроль за их выпуском, мы не знаем, точно так же, как нам неизвестна и система контроля за эмиссией тоже якобы частных полновесных оболов и эпиграфных дельфинов.

Второй аргумент снимается теперь анализом ольвийской просопографии: среди двух десятков негреческих или полуварварских имен догетского периода больше половины падает как раз на V в. до н. э. и среди них около трети составляют представители правящей верхушки⁴⁶.

Утверждение о том, что сокращения магистратских имен входят в употребление не ранее IV в., справедливо лишь *en masse*. Есть полисы, где они не только спорадически встречаются в V в., но представляют со-

⁴⁴ Раскопки 1962 г. экспедиции ИА АН УССР; хранится в ИА в Киеве, п. о. № О—62/475.

⁴⁵ См., например, *Леви Е. И.* Ольвийская агора.— МИА, 50, 1956, с. 62 сл., рис. 21, 22.

⁴⁶ См. *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э.— В кн.: Материалы II симпозиума по проблемам греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси 1979, с. 9—11 (расширенная публикация — в печати). Ср. также прим. 58.

бой в это время регулярное явление, как например, в Абдерах⁴⁷. Особенно важно то, что начиная с конца VI в. на греческих монетах время от времени появляются имена тиранов: кроме упомянутого выше Гиппия⁴⁸ можно указать на Тимна — тирана г. Термер времени Дария Гистаспа, чеканившего серебро со своим именем ΤΥΜΝΟ⁴⁹, и на Фемистокла, также помещавшего свое имя в полной форме на монетах Магнезии на Мэандре⁵⁰.

Наконец, возникает вопрос сугубо методического плана: почему такое уникальное в греческой нумизматике явление, как ольвийские литые монеты⁵¹, мы должны непременно приравнивать к стандартным меркам греческого монетного дела, а не допускать для них своеобразия некоторых других элементов, засвидетельствованных к тому же синхронными нумизматическими памятниками? Если последовать по тому пути, который был предложен самим исследователем, но потом отвергнут им⁵², а именно видеть, по крайней мере в Αριχος и Εμινακος, ⁵³ единоличных правителей Ольвии, то это снимет все противоречия и будет выглядеть самым естественным толкованием нумизматических источников.

Совсем недавно В. В. Рубан⁵⁴ привел еще один довод в пользу существования ольвийской тирании в V в., отметив «появление этникаона ольвиополитов в лапидарных надписях официального характера не ранее начала IV в. до н. э.», что было им сопоставлено с синхронным появлением этникаона и на монетах Ольвии. Как это ни покажется парадоксальным, но тот единственный ольвийский декрет V в., который содержит этникаон Ὀλβιολογίεωv, опровергая, таким образом, довод автора⁵⁵, в то же самое время подтверждает его и его предшественников идею: как я старался показать в первой части работы⁵⁶, термин *ἀσση*, особенно в столь раннее время, был свойствен каким угодно, но только не внутритропольским и тем более демократическим постановлениям.

Вернемся, однако, к монетам, среди которых особое явление представляют статеры с легендой ΕΜΙΝΑΚΟ (рис. 1, б). П. О. Карышковским

⁴⁷ *Head B. V. Historia Nummorum. Oxf.*, 1911, p. 253 ff.; *May J. M. F. The Coinage of Abdera. L.*, 1966, p. 44—48. Имена магистратов этот полис начинает чеканить с 520—515 гг. сначала в сокращениях, но уже с начала V в. они появляются в полной форме, что вскоре становится обязательным правилом. С первой четверти V в. сперва sporadически, а затем и регулярно перед именем ставится эпонимный предлог ΕΠΙ.

⁴⁸ *Seltman C. Athens, its History and Coinage. Cambr.*, 1924, p. 76—78.

⁴⁹ *Head. Op. cit.*, p. 627; *Guarducci M. Epigrafia greca, II. Roma*, 1969, p. 639.

⁵⁰ *Head. Op. cit.*, p. 581.

⁵¹ Так называемые «колесики» Истрии IV в. до н. э., равно как и «ассы» Николия V в. (см. ниже), несомненно, копировали ольвийский образец. Ср. *Карышковский П. О. Заметки по нумизматике Северного Причерноморья. Литые монеты с буквами ΙΣΤ*. — ВДИ, 1957, № 2, с. 138—140.

⁵² *Карышковский. Имена ольвиополитов...* л. 76. См. выше.

⁵³ С ΠΑΥΣ дело обстоит сложнее. В свое время П. О. Бурачков (Общий каталог монет. Одесса, 1884, с. 37, № 3) упомянул один «асс» с Афиной из коллекции Куриса, где между спицами колеса якобы стояли шарики, а за его ободом по обрезу монеты — имя, предваренное эпонимным предлогом: ΕΠΙΚ... Затем были высказаны сомнения в подлинности этой монеты (*Бертье-Делагард А. Л. Поправки «Общего каталога монет» П. О. Бурачкова. М.*, 1907, с. 1; *Карышковский. Ольвийские асы*, с. 53). Однако очковский краевед С. В. Странной любезно ознакомил меня с одним экземпляром подобного «асса», где за ободом колеса стоят буквы ΕΠΙ ΠΑΥΣ, который мне, неспециалисту в нумизматике, по наличию древней патины кажется подлинным. Если это так, то мы могли бы отнести ΠΑΥΣ. (Павсания, Павсима, Павсона или т. п.) к эпонимным полисным магистратам, но, видно, и без такой верификации мы вправе предположить это в осторожной форме, ибо — как убедительно показал П. О. Карышковский (см. выше) — обобы с ΠΑΥΣ были, скорее всего, одногодичной эмиссией.

⁵⁴ *Рубан. О датировке поселения Козырка II*, с. 79.

⁵⁵ Это лишний раз убеждает: *argumentum e silentio non est argumentum.*

⁵⁶ ВДИ, 1981, № 2, с. 74—79.

Рис. 1. Ольвийские монеты V в. до н. э.

Рис. 2. Эпиграмма на базе статуи из Ольвии первой четверти IV в. до н. э.

в свое время было прекрасно доказано⁵⁷, что отчеканенное на них изображение натягивающего лук Геракла — не случайная реминисценция одного из образов героя, но символическая, пропагандистского характера эмблема, заимствованная из той версии легенды о происхождении скифов и их царей, которую рассказывали Геродоту понтийские греки, возможно, те же ольвиополиты (Herod., IV, 8—10). В том, что имя *Εμιναχο*; негреческое, сомнений быть не может⁵⁸, и принадлежит оно, как показывает *argae parlant*, призванный пропагировать легитимность власти его носителя, без всякого сомнения, местному царю или династу. Можно было бы предполагать донативный характер этих статеров, битых по заказу Эминака в греческом полисе⁵⁹, однако теперь это опровергается вышеупомянутым отиском реверса одного из них на мерном сосуде. Так как же мы должны истолковывать тот факт, что неизвестный нам ближе скифский правитель не только поместил на серебре Ольвийского полиса свое имя, но и гордо отчеканил изображение своего предка Таргитая-Геракла — мифологического основателя династии скифских царей? По-видимому, ответ должен быть однозначным⁶⁰: Ольвия этого времени находилась под контролем владык Скифского царства! Этот неоднократно звучавший в предшествующих работах вывод⁶¹ настолько ответствен, что должен быть подкреплён другими данными. И они находятся прежде всего в широко известном рассказе Геродота о Скиле. К сожалению, «стенохория» печатного места не позволяет здесь дать даже простой компендиум наблюдений и выводов. Подробная аргументация будет представлена мной в другом месте, здесь изложу лишь суть самой идеи.

Анализируя метод Геродота при передаче полученных им сведений, можно констатировать в отдельных случаях умолчание или даже в известной мере искажение им реальных фактов не только по причине какой-

⁵⁷ Карышковский. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ.

⁵⁸ П. О. Карышковский (Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V—III вв. до н. э. — В кн.: ПИСП (1959), с. 224) вслед за В. Френером составляет его с южнодалматинским топонимом *Ειμινάχιον* (Ptol., II, 16, 12). Д. Дечев (Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 166) относит его к фракийским. Принадлежит ли имя скифскому или фракийскому языковому ареалу, сказать не решаюсь; во всяком случае, оно имеет типично пранкий суффикс *-αχος*. Предположение В. П. Яйленко (Несколько ольвийских и березанских граффити. — КСИА, 159, 1979, с. 56 сл.), что обрывок антропонима ... ΝΑΚΟ в одном граффито V в. до н. э. должен быть дополнен в ΕΜΙΝΑΚΟ лишь на том основании, что только это имя засвидетельствовано в Ольвии, рискованно с точки зрения методических принципов, а последнее утверждение теперь прямо опровергается находкой на одном поселении ольвийской хоры граффито V в. до н. э. с надписью *Χιμινάχιος* (с ней меня любезно ознакомил руководитель экспедиции К. К. Марченко). Рискованным представляется и дополнение букв ... ΕΙΜΙΝΑ... другого ольвийского граффито в то же имя (Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 3, с. 79; № 69а).

⁵⁹ Что и делает, видимо, Д. С. Раевский (Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 170 сл.; автор пишет о «собственной монете» Эминака, «об использовании Эминаком ольвийского монетного двора», обосновывая свое мнение тем, что «время выпуска этих монет следует рассматривать как период становления, упрочения скифской государственности, когда захват скифами достаточно сильною полиса был еще маловероятным»). Однако, как я старался показать в других работах (указанных ниже, в прим. 63, 64), это и произошло на деле в интересующую нас эпоху. В. П. Яйленко (Граффити Левки, Березани и Ольвии, с. 79) видит в чеканке статеров Эминака проявление «лояльности ольвиополитов к правителям могущественного скифского окружения», оставляя понятие «лояльность» без дальнейших уточнений. Гипотезу В. В. Рубана (т. е. еще Цыбульского и Штерна) об Эминаке как ольвийском тиране он, однако, отвергает (прим. 5).

⁶⁰ Vinogradov Ju. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes. — In: Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucaresti, 1979, S. 302.

⁶¹ См. выше, прим. 30.

то политической тенденциозности или по стилистико-композиционным соображениям, но и в силу вполне объяснимого, присущего человеку стремления доказать читателю, а иногда и своим оппонентам правдоподобность излагаемой версии, обусловленной определенными, сложившимися у автора взглядами на то или иное явление, его особыми теоретическими установками.

В биографии персонажей-аналогов Анахарсиса и Скила такой руководящей идеей послужило представление о ревностном ограждении скифами своей религии и культуры от пагубных чужеземных влияний и соответственно следующей за этим немилосердной каре над вероотступниками. Если взглянуть сквозь призму этой концепции, трижды недвусмысленно прокламированной историком и проходящей лейтмотивом через весь рассказ (Herod., IV, 76—80), становится ясным, что Геродоту, выводящему на сцену скифского царя-эллинофила (факт эллинизации, разумеется, вполне мог иметь место в действительности), для доказательства своей главной мысли было прежде всего необходимо изолировать Скила от его соплеменников, иначе вся скрытая в повествовании аргументация оказалась бы несостоятельной. Однако пристальный анализ соответствующих глав приводит к выявлению как ряда логических противоречий внутри самой исторической новеллы, так и несоответствия некоторых моментов фактам, известным нам из других источников. Так, например, закрывая за Скилом наглухо городские ворота, причем не только для скифов, но, как показывает семантический анализ одного *ἀπὸ λευόμενον*, и для греков, Геродот искусственно и вымышленно создает своего рода осадное положение Ольвии, длившееся по месяцу и более, которое в реальной действительности угрожало бы полностью парализовать жизнь города. Дальнейшее исследование рассказа Геродота приводит меня к убеждению в справедливости высказанного впервые еще в начале прошлого века предположения о том, что Скил⁶², а скорее, по моему мнению, еще его отец Арианиф, чью политику во многом продолжал сын⁶³, установили определенную, неизвестную нам пока в деталях форму протектората над Ольвийским полисом.

Эта гипотеза, не лишняя, думается, оснований, находит ряд подкреплений, в появившихся в последнее время источниках другого рода. Все они так или иначе свидетельствуют прежде всего о резких изменениях во взаимоотношениях между скифами и ольвиополитами, происшедших на протяжении первой четверти V в. до н. э. Отношения эти, прежде миро-

⁶² Raoul-Rochette M. Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. P., 1822, p. 99 suiv. Cp. Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 484; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922, p. 64; Van Groningen B. A. Herodotus' Historien, IV. Leiden, 1950, p. 36 sq., ad IV, 76, 6 (гипотеза резервируется как альтернативный вариант).

⁶³ См. Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. — СА, 1980, № 3, с. 106 сл. Определенные усилия в этом направлении были предприняты по-видимому, уже предком (дедом?) Скила Арготом, при котором произошли качественные перемены во внешней политике Скифского царства (см. ниже). В. П. Яйленко (Несколько ольвийских и березанских граффити, с. 56 сл.; *он же*. Граффити Левки, Березани и Ольвии, с. 78 сл.) предлагает оригинальную периодизацию изменений в скифо-эллинических взаимоотношениях: «В VI — первой трети V в. скифская знать в целом была антагонистически настроена по отношению к грекам ... Сначала лишь отдельные представители скифской знати — Анахарсис, Скил — воспринимали греческую культуру, и это стоило им головы». Первым известным нам показателем перелома в скифо-ольвийских отношениях он считает «деятельность Тимна на посту телохранителя или, скорее, начальника гвардии скифского царя» (об этом см. ниже, прим. 84). Автор, однако, не уточнил, на службе какого именно царя состоял Тимн. Между тем до Скила царствовал Арианиф (эпиграфом у него и был Тимн), который не только взял в жены гречанку, но и позволил ей воспитать в эллинском духе их сына Скила; последнему плоды этого просвещения впоследствии и «стоили головы».

любивые, начиная с этого времени резко обострились, что было вызвано, по моему мнению, переходом Скифского царства, окрепшего после успешного отражения нашествия Дария, к жесткой политике экспансии в сопредельные земли⁶⁴. Не случайно именно в указанный период появляются достаточно многочисленные погребения кочевых скифов, тесно обступившие северную границу Ольвийского государства⁶⁵. Не случайно на поселениях и в некрополях Ольвийского полиса этого же периода впервые зарегистрированы погребения насильственно убитых⁶⁶ и среди них даже детей, сраженных скифскими стрелами⁶⁷.

В согласии с этим следует расценивать и тот отмеченный выше факт (см. прим. 46), что более половины негреческих и полуварварских имен антропонимического фонда догетской Ольвии приходится как раз на V в. до н. э. и свидетельствует о прочном внедрении варваров не только в экономическую, но и в политическую жизнь полиса этой эпохи. Так же трудно, на мой взгляд, расценивать кратко описанный в первой части работы феномен запустения ольвийской хоры⁶⁸ иначе, как в рамках излагаемой концепции⁶⁹. В неразрывной связи с ним стоят и такие синхронные явления, как резкая редукция территории Березанского поселения⁷⁰, возникновение ольвийского предградия *extra mures*⁷¹, исчезновение из состава жителей полиса фракийцев⁷², а также расширение агоры Ольвии⁷³, вызванное насущной необходимостью дать больше простора как экономической, так и политической деятельности резко возросшего населения города.

Все перечисленные, тесно взаимосвязанные факты, появившиеся на свет в ходе археологических изысканий последних лет, наиболее логично истолковать мощным нажимом на Ольвию со стороны державы скифов-номадов, вызвавшим, видимо, поначалу военные столкновения эллинов с варварами и приведшим в конечном счете к установлению над полисом

⁶⁴ О попытке вывести последствия этих перемен в политике скифов на более широкий исторический фон см. *Vinogradov Ju. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr.* — *Chiron*, 10, 1980, S. 70—80.

⁶⁵ *Копаненко Г. Т., Буцтян Е. П.* Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области. — В кн.: *Курганы на Южном Буге*. Киев, 1978, с. 134 сл.

⁶⁶ *Ганжа А. И., Мошкова Л. В., Отрешико В. М.* АО 1977 года. М., 1978, с. 310.

⁶⁷ В некрополе Березани на общее число не более двух десятков погребений V в. до н. э. открыто уже два подобных захоронения (неизданный материал экспедиции ГЭ под руководством Л. В. Копейкиной).

⁶⁸ См. из последних работ: *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДИ, 1980, № 1, с. 142 сл.; *Крижицкий С. Д. и др.* К истории ольвийской сельской округи. — В кн.: *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев, 1980, с. 7 (с картой).

⁶⁹ Иная точка зрения, объясняющая отмеченное явление так называемой «теорией синоиклизма» (*Латин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 176; *Рубан В. В.* Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья. — В кн.: *Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции*. Л., 1977, с. 43), вступает в противоречие с имеющимися сейчас археологическими фактами (см. *Крижицкий С. Д., Русяева А. С.* Найденіші житла Ольвії. — *Археологія*, 28, 1978, с. 20) и оставляется, по-видимому, даже ее сторонниками.

⁷⁰ *См. Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА, 1975, № 2, с. 194; *она же.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период. — СА, 1981, № 1, с. 192 сл., 206 сл.

⁷¹ *Крижицкий С. Д., Русяева А. С.* Ук. соч., с. 23; *Марченко К. К.* Ук. соч., с. 143, прим. 60; *Козуб Ю. І.* Передмістя Ольвії. — *Археологія*, 29, 1979, с. 3—34.

⁷² *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII — I в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 2, с. 157; *он же.* Модель..., с. 142.

⁷³ *Леви Е. И. и др.* АО 1973 года. М., 1974, с. 300.

протектората скифских царей⁷⁴. Практически полную ликвидацию земледельческой базы Ольвийского полиса я не склонен объяснить одним только давлением Скифского царства, направленным на то, чтобы устранить очевидного конкурента⁷⁵. Признавая действительно главной причиной стремление номадов к реализации получаемых ими от лесостепных племен (в результате внеэкономического принуждения) излишков сельскохозяйственной продукции через посредство эллинских торговцев, а возможно, и к прямой эксплуатации в той или иной форме самих греков⁷⁶, я вовсе не исключаю и того вероятного факта, что определенные слои ольвийского общества были заинтересованы в том, чтобы сосредоточить свою предпринимательскую деятельность на определенной, несомненно, выгодной и, видимо, не новой для них отрасли экономики — посреднической торговле⁷⁷, а потому вполне могли даже и поддерживать новый режим. Иными словами, установившийся политический строй держался не на одном только насилии.

Последнее и, на мой взгляд, самое веское подтверждение развиваемой на этих страницах концепции скифского протектората над Ольвией пришло совсем недавно с новыми нумизматическими находками. В свое время П. О. Карышковским были опубликованы два литых «асса», происходящие из раскопок Никония⁷⁸. На аверсе их помещено неизвестное до того времени изображение совы, а на реверсе — хорошо знакомое по многочисленным бронзовым оболам Ольвии изображение колеса. Основываясь на этом, издатель высказал казавшееся тогда вполне логичным предположение об ольвийском происхождении опубликованных им уникальных денежных знаков и прочел между спицами колеса четыре буквы ΠΑΥΣ, которыми, отмечена наиболее ранняя серия ольвийских «ассов» типа «Афина — колесо». Новые находки заставила внести известные коррективы в высказанные исследователем соображения⁷⁹.

В последние годы на Роксоланском городище (древний Никоний) было случайно обнаружено еще свыше десятка монет подобного типа, из которых одни равны по номиналу изданным, а другие и превосходят их по своему достоинству. На новонайденных оболах, дошедших в гораздо лучшей, чем опубликованные, сохранности, не заметно вообще никаких следов букв между спицами колеса. Этот факт, равно как и концентрация находок этих монет исключительно на городище Роксоланы, заставляет признать реальность того, что они, подобно истрийским «колесикам» (см. выше, прим. 51), лились жителями Никония по образцу ольвийских «ассов» и не должны быть относимы к монетной системе Ольвии. Однако наиболее интересной оказалась лицевая сторона этих монет, на которой-то и стоят в действительности буквы по краю с правой стороны от головы

⁷⁴ Vinogradov. Die historische Entwicklung..., S. 76—78. Приятно отметить, что к сходному объяснению причин, породивших в исходном пункте отмеченные выше явления, пришел независимо К. К. Марченко (Модель..., с. 142). Наши расхождения во взглядах состоят лишь в том, что он склонен рассматривать дальнейшее отношение скифов к ольвиополитам на протяжении V в. как миролюбивое и лояльное, а изображение Геродотом Скила как «гипертрофированную» форму передачи историком реального процесса эллинизации (там же, с. 143 и прим. 60). На мой же взгляд, миролюбивыми подобными отношениями позволительно считать до того лишь предела, до которого может вообще простираться «дружба» между правителем и его подданными.

⁷⁵ Марченко. Модель..., с. 142 сл.

⁷⁶ Vinogradov. Перстень царя Скила, с. 107.

⁷⁷ Vinogradov. Die historische Entwicklung..., S. 78.

⁷⁸ Карышковский П. О. Ольвийские ассы с изображением совы.— СА, 1962, № 2, с. 210—215.

⁷⁹ Приношу искреннюю благодарность П. О. Карышковскому, дружески ознакомившему меня с новым, подготовляемым им к изданию материалом.

совы: на меньших номиналах ΣΚΥ, па более крупных ΣΚΥΛ. Можно было бы, конечно, видеть в этих буквах сокращение имени монетария, к примеру, Σκόλα(αξ), но не оправданнее ли, принимая во внимание прежде всего легший в основу образец ольвийских «ассов», на которых, как было отмечено, имя *Αριζος* принадлежит, скорее всего, негреческому единоличному правителю, а также в особенности статеры с именем варварского династа Эминака, и на никонийских литых оболках читать имя Скила, тем более что по времени выпуска они (согласно мнению П. О. Карышковского) вполне могут укладываться в предполагаемые хронологические рамки правления этого скифского царя⁸⁰, т. е. вторую четверть V в. до н. э.? А эта констатация, находящая себе сильную поддержку как в только что приведенных нумизматических параллелях, так и во всех выказанных выше аргументах, неизбежно влечет за собой весьма важное заключение: спасенный от забвения Геродотом владыка Скифского царства Скил, полностью продолжая политику предков, распространил зону своего влияния вплоть до Истра⁸¹, став протектором над греческими полисами Северо-Западного Причерноморья — не только над Ольвией, но и над Никонием⁸².

Все сказанное на предыдущих страницах придвигает нас вплотную к самому важному вопросу: совместим ли вообще протекторат варварских правителей над греческими городами, в какой бы форме он ни осуществлялся, с принятым ранее за аксиому демократическим государственным устройством этих полисов? Многочисленные примеры из древней истории позволяют, как мне кажется, дать однозначный ответ на этот вопрос: подобный симбиоз этих двух политических режимов выглядит менее всего вероятным. Подобно тому как афиняне по образу и подобию конституции родного города стремились почти повсеместно в рамках созданной им Морской державы насадить демократический способ правления, владыки сначала Лидийского⁸³, а потом и Персидского царств находили себе надежную политическую опору прежде всего и главным образом в поставленных, как правило, ими самими у руля правления подчиненных им полисов греческих тиранах либо варварских наместниках. Примеры тому настолько многочисленны, что их не имеет смысла и приводить. В свете высказанных выше аргументов все они укрепляют меня в мысли о том, что Ольвия на большем протяжении V в. управлялась автократически: либо через поставленных скифами наместников, которых по аналогии с персидской системой управления можно осторожно назвать «сатрапами», либо скифскими ставленниками, выдвинутыми из греческой среды, — тиранами. К первым в этом случае можно было бы отнести такие имена, как Арих и Эминак, ко вторым с большой долей осторожности — Тимна, эпитрона царя Арианифа, отца Скила⁸⁴. Выяснение же конкретных форм и методов

⁸⁰ См. *Виноградов*. Перстень царя Скила, с. 104 сл.

⁸¹ Ср. *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами. — В кн.: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. М., 1969, с. 79; *Фол А.* *Thrace-Scythica: проблемы письменных источников о V в. до н. э.* — В кн.: *Studia Thracica*, I. София, 1975, с. 162.

⁸² Археологически это подтверждается исчезновением — синхронно с ольвийскими — поселений и по берегам Днестровского лимана, см. *Агбунов М. В. и др.* АО 1977 года. М., 1978, с. 287; *Марченко*. Модель..., с. 142.

⁸³ *Свенцицкая И. С.* Греческие полисы в составе Лидийского царства. — ВДИ. 1978, № 1, с. 26—38.

⁸⁴ К сожалению, контекст Геродота в этом месте (*Herod.*, IV, 76) настолько малоинформативен, что не позволяет решить, какое из нескольких значений, придававшихся историком термину *ἐπιτροπος* (см. *Powell J. E.* *A Lexicon to Herodotus*. Camb., 1938, s. v.), следует подобрать для его информатора Тимна: наместник (сатрап) или просто распорядитель имуществом и делами. Предложенное недавно оригинальное толкование — «телохранитель» или «начальник гвардии» (*Яйленко*. Несколько ольвий-

их правления остается, повторяю, за будущими, главным образом эпиграфическими, находками, появление которых нельзя вовсе исключить⁸⁵.

Единственным обстоятельством, которое могло бы, на первый взгляд, противоречить развиваемой на этих страницах идее об ольвийской тирании V в., может показаться тот факт, что декрет в честь Тимесилея и Теопрота издан от имени гражданской общины оливиополитов: [Δόγμα] [Ἰολύτιο] πολιτείας. Однако бытующее порой мнение о неперменной и неизбежной ликвидации тиранами всех органов полисного самоуправления следует считать ошибочным. Так, еще при Писистрате продолжали избираться афинские архонты-эпонимы, причем даже из среды враждебных тирании родов: в 525/524 г. архонтом после Гиппия (!) был Алкмеонид Клисфен, а в следующем году — Филаид Мильтиад, сын Кимона⁸⁶. Встречающиеся упоминания пританея в Сикионе в начале VI в. до н. э., во время правления тирана Клисфена (Herod., V, 67), дало Х. Берве⁸⁷ полное основание предположить, что при нем функционировали некоторые органы городского самоуправления; по мнению исследователя, могла собираться и экклесия. Выше (прим. 85) был уже упомянут закон Галикарпасса, в котором община граждан и местное племя салмакитян выступают равноправными партнерами в политическом диалоге с тираном Лигдамидом.

Достаточно параллелей находится и на почве Сицилии, которая по своим историческим судьбам вообще была во многом родственна государствам Северного Причерноморья. На том основании, что историк Тимей (FGH, 566 F 93b) именует Терона, ставшего около 489 г. до н. э. тираном Акраганта, царем (βασιλεύς), а также по ряду косвенных соображений Х. Берве считает вполне вероятным, что приход этого правителя к власти был легализован общиной города⁸⁸. В годы правления сиракузского тирана Гелона время от времени заседала экклесия, которая была правомочна вотировать, к примеру, участие в войне⁸⁹. Им⁹⁰ и его преемником Гиероном⁹¹ постоянно употребляется формула: Γέλων/ Τέρων καὶ οἱ Συρακόσιοι. После битвы при Гимере (480 г.) Гелон дал отчет в народном собрании, и оно вынесло постановление титуловать его сотером, эвергетом и царем (Diod., XI, 26,6). Тиран Сиракуз Дионисий Старший также не полностью упразднил репрезентативные институты общины,

ских и березанских граффити, с. 56 и прим. 21; ср. *он же*. Граффити Левки, Березани и Ольвии, с. 79, прим. 7) не представляется приемлемым (аргументацию см. *Vinogradov. Die historische Entwicklung...*, S. 77, Anm. 73).

⁸⁵ Подобная политическая ситуация, сложившаяся в Ольвии в V в., не противоречит вхождению ее в состав Архэ, если последнее можно было бы считать доказанным фактом (об этом см. в первой части работы — ВДИ, 1981, № 2, с. 89). Аналогичные случаи засвидетельствованы неоднократно. Так, известный закон, изданный от имени тирана Лигдамида, с одной стороны, общины галикарнасцев — с другой, и салмакитян — с третьей (M—L 32) был опубликован где-то после 460 г. до н. э. (по Мейгсу — Льюису, в 465—450 гг.?), а с 454/453 г. Галикарнасс фигурирует в списках фороса. Поэтому Р. Мейгс справедливо замечает, что лояльная по отношению к Афинам тирания Лигдамида не мешала принятию его в члены Архэ с сохранением за ним власти (Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxf., 1973, p. 54 f.; ср. Seibert, S. 49, 443, Anm. 389). В качестве веского аргумента автор привлекает факты включения в число союзников малоазийских династов: Тимна в Карию, Пигресса (или Пикресса) из Сиангелы, Пактия и дидмейца, Са... из Киллар, Самбактия и неизвестного династа из Кидндии (ATL, I, p. 446).

⁸⁶ M—L, comm. ad 6.

⁸⁷ Berve, I, S. 31.

⁸⁸ Berve, I, S. 132 f.

⁸⁹ Diod., XI, 26, 5; ср. *Polyaen.*, I, 27, 1; *Aelian.*, VH, 6, 11; 13, 37; это предполагается и в *Plut.*, *Arophth.* Gel. 3, p. 175A; ср. Berve, I, S. 143 f.; II, S. 600 f.

⁹⁰ Herod., VII, 159; Paus., VI, 19, 7.

⁹¹ Syll³, 35Ba = Guarducci M. *Epigrafia greca*, I. Roma, 1967, p. 346; Daux G. *BCH*, 84, 1960, p. 721 = SEG XXIII, 253.

подчинив их при этом, конечно, своей воле. В известном договоре 367 г. с Афинами упомянуты представительные органы сиракузян: наиболее надежно дополнено имя ἡ βουλή, с большей или меньшей степенью вероятности восстанавливаются должности триерархов и гиппархов; они должны были принимать клятву в Афинах и приносить ее в Сицилии вместе с Дионисием⁹². Существование подобной практики политического диалога между правителем и общиной можно предполагать и на Боспоре⁹³. Я не вижу особенно принципиального различия между появлением в формуле декрета в честь Тимесилея имени общины Ὀλβιοπολιτέων и аналогичного (τῶν) Συρακοσίων в вышеназванном договоре с Афинами или на сиракузских монетах: тот и другой факты следует расценивать как свидетельство того, что в управлявшихся тиранически Ольвии и Сиракузах гражданский коллектив не утратил полностью своих законодательных функций.

Итак, как я старался показать, при обилии аргументов в пользу концепции скифского протектората над Ольвией V в. и стимулировавшейся последним тирании нельзя, пожалуй, привести ни одного контрдовода. Однако теперь возникает закономерный вопрос: если подобный авторитарный режим существовал на протяжении лишь определенного отрезка времени, что следует из более поздних эпиграфических памятников, можем ли мы установить хотя бы примерно дату его смены новым политическим строем и уловить при этом в наших источниках какие-то следы наступивших перемен? На этот вопрос, мы, думается, в состоянии дать положительный ответ.

Прежде всего бросается в глаза интересный факт: при том, что культ Зевса засвидетельствован в Ольвии как лапидарными надписями⁹⁴, так и граффити⁹⁵ по крайней мере начиная с конца VI в. до н. э., только с начала IV в. до н. э. этот бог появляется в полисе с эпитетом Ἐλευθερίος. В настоящее время известно уже три лапидарных памятника, тесно укладываемые в рамки первой четверти этого столетия. Это прежде всего посвященная надпись, вырезанная неизвестным по имени сыном Гикесия на базе статуи, посвященной им Зевсу Освободителю⁹⁶, а кроме того, две эпиграммы, обнаруженные недавно в Ольвии. Первая представляет собой посвящение, скорее всего, башни городских оборонительных стен Евресивием, сыном Сирииска, Зевсу, названному им дважды: Ἐλευθερίῳ Ζῆνι θεῶν βασιλεῖ и Ζῆνος Ἐλευθερίῳ. В другой, вырезанной на постаменте эпиграмме неизвестный нам дедикант воздвигает по одному обету статую своего отца Евресивия, посвящая ее по другому обету Δι' Ἐλευθερίῳ⁹⁷. Палеографическая, стилистическая и просопографическая бли-

⁹² Syll.³, 163 = Bengtson, Staatsverträge, II³, 280. 34—37; ср. Berve, I, S. 327. Об оценке различных восстановлений этих строк см. из последних работ: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979, с. 104—107; я полностью солидаризуюсь с изложенной автором концепцией синтеза полисного и монархического начал в державе Дионисия.

⁹³ Vinogradov. Die historische Entwicklung..., S. 93.

⁹⁴ NO 64,106. Восстановление надписей и уточнение датировки см. Виноградов Ю. Г. О методике обработки греческих эпиграфических источников.— В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 74 сл., рис. 7, 8.

⁹⁵ Леву Е. И. Материалы ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 151; Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса.— Там же, с. 185 сл.; рис. 4, 1, 2.

⁹⁶ IOSPE I², 160. Вопреки датировке В. В. Латышева (первая половина III в. до н. э.) надпись следует отнести к первой четверти IV в. до н. э. (см. ниже).

⁹⁷ Обе надписи подготовляются автором к публикации; первая кратко упомянута с не совсем точным переводом А. А. Белецким (Три эпиграфических памятника.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов, ч. II. Киев, 1975. с. 91).

зость обоих памятников заставляет считать их синхронными, датируя в пределах первой четверти IV в., и видеть в них упомянутым одно и то же лицо — состоятельного и знатного ольвиополита Евресивия, сына Сирика, в роду которого культ Зевса был гентильным⁹⁸. Плотная концентрация всех трех надписей в узких хронологических рамках позволяет с полным основанием предположить, что культ Зевса с эпиклезой Ἐλευθέριος был введен в Ольвии впервые где-то в начале IV в. до н. э.

Если мы теперь обратимся к истории религии эллинов, то не сможем обойти вниманием тот факт, что введение культа Зевса Элевтерия в греческих полисах — не случайное явление, но было обусловлено вполне определенными историческими обстоятельствами⁹⁹. Классическим примером служит все тот же упомянутый выше Мэандрий, который, получив власть из рук Поликрата, после смерти последнего выразил готовность отказаться от тирании и ввести на Самосе демократию (исономию). Прежде всего он велел соорудить храм Зевсу Элевтерию и в качестве компенсации за добровольный отказ от единоличного правления потребовал себе лично шесть талантов из состояния Поликрата, а также жречество Зевса Освободителя, которое он заслужил не только как основатель святилища, но прежде всего как восстановитель свободы¹⁰⁰. Аналогичные примеры находятся опять же в Сицилии. После крушения в 466/465 г. тирании последнего Дейноменида Фрасибула в Сиракузах была воздвигнута колоссальная статуя Зевса Элевтерия и учрежден в его честь ежегодный праздник в день свержения тирании с агонами, жертвоприношениями и всенародными угощениями¹⁰¹. Более столетия спустя Сиракузы и другие сицилийские полисы в честь освобождения их Тимoleonтом от тираний отчеканили монеты с головой Зевса Элевтерия¹⁰². Итак, мы видим, что celebraция культа Зевса Ἐλευθέριος была естественной реакцией ликующего демоса, страхнувшего с себя бремя собственного монарха, угнетавшего демократическое самоуправление граждан полиса.

Но этим не исчерпываются причины появления в Греции культа Зевса Элевтерия и связанных с ним религиозных церемоний. После Платейской битвы, окончательно избавившей эллинов от угрозы порабощения персами, Павсаний торжественно совершил жертвоприношение Зевсу Освободителю, объявил платейцев свободными и у могилы павших повелел соорудить алтарь, на котором была высечена эпиграмма, сочиненная якобы Симоном¹⁰³. Платейцы учредили по этому случаю гимнастические агоны, названные ими Ἐλευθέριαι (Strabo, loc. cit.; Paus., IX, 2,6). Многие полисы поставили ему статуи (Hesych., s. v. Ζεὺς Ἐλευθέριος), а афиняне со-

⁹⁸ Один из его родственников (маловероятно, что сын) стоит в списке жрецов Евресивиадов и фиаситов, поставивших полстолетия спустя статую Зевсу Сотеру (НО 71, стб. II,9 — дополнение патронимика Εὐ[ρη]σίβιου) и уточнение датировки предложены мной).

⁹⁹ См. Oliver J. H. *Demokratia, the Gods and the Free World*. Baltimore, 1960. В рамках своей концепции автор проявляет ярко выраженную тенденцию связать культ Зевса Элевтерия и прочих богов-освободителей с прочно организованной, автономной, управлявшейся ее членами полисной общиной, отодвигая на задний план вопрос о одновременном введении культа и о причинах этого. См. также Louis R. *Guerre et religion en Grèce a l'époque classique*. P., 1979, p. 181.

¹⁰⁰ Herod., III, 142—148; Oliver. Op. cit., p. 11 f.; Berve, I, S. 114.

¹⁰¹ Diod., XI, 72,2; Oliver. Op. cit., p. 12; Berve, I, S. 153 f.

¹⁰² Head. Op. cit., p. 119, 125, 126, 179; Berve, II, S. 666.

¹⁰³ Thuc., II, 71; Strabo, IX, 2, 31, 412 C; Plut., Arist., 19,7; 20,4—5; Paus., IX, 2, 5—6; Fehrlé. Zeus.—Roschers Lexicon, VI, 1924—1937, Sp. 619—622; Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. B. I. München, 1906, S. 285, Anm. 14; B. II, S. 1118 u. Anm. 7 (соображение автора о том, что платейский культ Зевса Элевтерия был поставлен во взаимосвязь с освобождением от персидского ига лишь позднее, не выглядит убедительным); ср. Nilsson M. P. *Geschichte der griechischen Religion*. I². München, 1950. S. 418, Anm. 1.

орудили по этому поводу на агоре стою, которую они также посвятили Зевсу Элевтерию¹⁰⁴.

Все приведенные свидетельства делают вполне обоснованным предположение о том, что вольно вздохнувшие ольвиополиты ввели у себя в начале IV в. культ Зевса Элевтерия по торжественному поводу освобождения сразу от двойного бремени: от верховного владычества Скифского царства над полисом и от державшейся на скифской поддержке власти собственных тиранов. Будучи рассматриваемым изолированно, это объяснение может показаться малоубедительным либо вообще могущим быть замененным иным истолкованием. Однако как маленькое звено, подкованное к достаточно длинной уже цепи прочих доказательств, и оно способно стать веским аргументом в поддержку развиваемой на этих страницах концепции, жизнеспособность которой утверждается анализом целого ряда других источников, прежде всего археологических.

Весьма знаменательно, что как раз с начала IV в. до н. э. резко редуцированная с установлением скифского протектората ольвийская хора — зеркало экономической активности полиса — начинает быстро возрождаться, причем в масштабах, которые теперь превосходят прежние. На территории старых поселений, как и на новых местах, в пределах прежних границ полиса возникает большое количество сельскохозяйственных поселений¹⁰⁵. Этот факт нельзя истолковать иначе, как то, что обновленное Ольвийское государство стремится поставить на старые рельсы одну из главных отраслей своей экономики, нормальное функционирование которой было некогда нарушено нажимом варваров.

При доверии к информации Геродота можно считать установленным фактом, что Ольвия по крайней мере к середине V в. до н. э. была обнесена оборонительной стеной, укрепленной башнями (Herod., IV, 79). К сожалению, точное время их сооружения археологически пока не устанавливается¹⁰⁶, но не исключено, что они были воздвигнуты как раз в начале V в. в связи со скифской угрозой. Однако не может не обратить на себя внимание то, что для первой половины IV в. до н. э. мы имеем уже два эпиграфических документа, свидетельствующих об усилившейся деятельности ольвиополитов по возведению оборонительных сооружений. Прежде всего это уже упомянутая вотивно-строительная эпиграмма Евресивия, сына Сириско, в которой он гордо заявляет, что в своем решении соорудить башню (?) им движило стремление у репить отеческую землю и по

¹⁰⁴ Истериывающую сводку источников см. *Wycherly R. E. Literary and Epigraphical Testimonia The Athenian Agora*, III. Princeton-New Jersey, 1957, p. 25—30. Гарпократион (s. v. Ἐλευθεριος Ζεὺς; ср. *Etym. Magn.* и *Suda*, s. v. Ἐλευθεριος) передает две версии: по свидетельству Гиперида, стоя была названа так потому, что ее воздвигли вольноотпущенники (ἐξἐλευθεροι); спорящий с ним Дидим связывает это более резонно (ср. *Oliver. Op. cit.*, p. 16, not 15) с освобождением от персидского рабства. Объяснение возникшей полемики непониманием метафорического оборота предлагает Р. Мичерли (*Op. cit.*, comm. ad № 27; ср. *Schwabl H. Zeus*, RE, Supplbd., XV, 1978, Sp. 1066). Ферле (*Op. cit.* Sp. 619 f.) не исключает возможности возникновения афинского культа уже в 510 г. как следствия изгнания Гиппия или в 490 г. после провала его попытки снова водвориться с помощью персов, что одновременно может оправдывать, по его мнению, свидетельство Дидима об учреждении культа после избавления от персидской угрозы. Ср. *Lonls, Op. cit.*, p. 181.

¹⁰⁵ *Рубан В. В.* О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени. — В кн.: Тезисы конференции «150 лет ОАМ». Киев, 1975, с. 134; уточнение хронологии см. *он же.* О датировке поселения Козырка II..., с. 78 сл.; *он же.* Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV — III вв. до н. э. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 80.

¹⁰⁶ Датировка К. Э. Гриневичем (К вопросу об экономике архаической Ольвии. — В кн.: Античный город. М. — Л., 1963, с. 51—54; *он же.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии. — ВДИ, 1964, № 1, с. 105—170) открытого им участка стены основана, как указала мне Е. И. Леви, на неверном наблюдении раскопщика над стратиграфией.

достоинству почтить славное всевладычество Зевса Освободителя¹⁰⁷. Немного позднее ольвиополиты создают даже специальную комиссию «стеностроителей» (οἱ τευχολοῖται) в составе пяти человек, которые были призваны позаботиться, видимо, о ремонте стен и башен, расположенных неподалеку от сооружения Евресивия¹⁰⁸. Во всей этой деятельности нельзя не увидеть стремления ольвиополитов укрепить родной город, недавно сбросивший варварское ярмо, и надежно защитить его от новых посягательств.

Еще важнее в нашей связи то обстоятельство, что как раз на рубеж V и IV вв. до н. э. приходится смена формульного типа ольвийских постановлений, а именно — вместо сосуществовавших в V в. формульных типов I и II с IV в. декреты начинают составляться по формуле типа III, т. е. Ὀλβιοπολιταὶ ἔδωκαν + имя (имена) чествуемого (-ых) с этником + привилегии в асс. и inf¹⁰⁹. Наиболее ранними образцами этого типа служат надписи НО 3А—Б + 12 + 107¹¹⁰ и 4, отличающиеся от прочих проксений IV в. по ряду показателей¹¹¹: 1) палеография НО 3А—Б + 12 + 107 полностью повторяет шрифт V в. с той только разницей, что манера письма здесь уже не стойхедон; НО 4 — несколько позже, но не выходит за пределы первой четверти IV в.; 2) в языке еще сохраняются ионизмы (НО 3Б.4: προξενίγγ); 3) отсутствует обычная для более поздних постановлений *boni eventus apprecatio*; 4) ἔδωκαν стоит в отличие от остальных проксений этого типа после имени, патронимика и этника проксена; 5) в НО 3А—Б + 12 + 107 вместо обычных εἰς-ἐκκλουον стоит εἰς-ἐξαγωγίγγ; 6) в том же декрете редкая оговорка [π]άν[τα τὸν χρόνον]¹¹², хронологически приближающая его к псефизме НО 11 типа II: εἰς πάν[τα τὸν χρόνον]; 7) в том же декрете явно, а в НО 4, возможно, отсутствовала полития¹¹³.

Из всего сказанного с полным основанием можно сделать вывод о том, что на рубеже V—IV вв. или в самом начале IV в. ольвиополиты стали редактировать свои официальные акты по новому формульному типу, для которого был воспринят, как показывают отмеченные особенности, не какой-то *Musterbeschluss*, но лишь принцип составления декретов по формуляру типа III. Важно к тому же, что в первой половине IV в. он не существует ни с предыдущими, ни с последующими в отличие, например, от конца V в., где мы видим параллельное редактирование по формульным типам I и II. Подобный резкий перелом в языке официальных актов Ольвии не сам по себе, конечно, но в ряду прочих симптоматичных явлений позволяет осторожно предполагать определенные изменения и в государственном строе полиса.

¹⁰⁷ Ἀρεῖν μὲν πατριὸν διαπεδὸν τιμῶν τε δικαίως

Ζηῆτος Ἐλευθερίο πάγκρατος εὐδίκμων.

¹⁰⁸ Надпись готовится к изданию В. И. Денисовой (Пругло), любезно меня с ней ознакомившей.

¹⁰⁹ Номенклатура и краткая характеристика всех четырех типов ольвийских псефизм даны в первой части работы (ВДИ, 1981, № 2, с. 74, прим. 61).

¹¹⁰ Атрибуция к документу фрагмента № 12 предложена издателями НО и П. О. Карышковским (ВДИ, 1969, № 2, с. 114), отнесение к нему же фрагмента № 107, идентичного по характеру мрамора и размерам букв, предложено (устно) Е. И. Леви. Последний дает, таким образом, окончание этника (стк. 1): Ὀλβιοπολιτ[ι]τα. Несмотря на идентичность мрамора и одинаковые размеры букв, я склонен считать по наличию инфинитивной конструкции фр. НО 3В не принадлежащим НО 3А—Б, к которым я отношу вслед за вышеназванными эпиграфистами НО 12 и 107.

¹¹¹ Ср. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э.— ВДИ, 1976, № 4, с. 24 сл.

¹¹² Восстановление автора.

¹¹³ Ср. в первой части работы (ВДИ, 1981, № 2, с. 84).

En pendant к переменам в практике составления псефизм идут существенные и качественные изменения, наблюдаемые в нумизматике Ольвии также с начала IV в. до н. э. Прежде всего меняются типы литых монет: мелкие фракции оболлов сохраняют на аверсе изображение горгонейона в несколько иной трактовке, но на реверсе обретают изображение полного городского герба — орла на дельфине. На смену крупным оболлам «ассы» с изображением на аверсе головы Деметры, а на реверсе орла, вцепившегося когтями в дельфина, но теперь данных в профиль¹¹⁴. Появляется новый тип и в серебряной чеканке: крайне редкие монеты с изображением на лицевой стороне букрания, а на оборотной тирса¹¹⁵. Но самое главное — то, что все эти денежные знаки впервые в истории монетного дела Ольвии получают в качестве легенды этникон: на мелких «ассах» ОΛΒΙΟ, на крупных — ОΛΒΙΝ, на серебре ОΛΒΙ. Это качественно новое явление трудно не связать с переменами, происшедшими в государственном устройстве Ольвии¹¹⁶. Если присовокупить сюда отмеченное выше заметное оживление, по крайней мере в религиозной сфере аристократических родов (к примеру, Евресивиадов), с политическим влиянием которых боролась, как правило, ранняя греческая тирания¹¹⁷, то картина окажется полной: только на основании вышеприведенных данных следует признать, что гипотеза о свержении ольвийской тирании вместе со скифским протекторатом где-то на рубеже V и IV вв. получает законное право на существование.

Однако все сделанные выше наблюдения, составляющие достаточно солидный аргументационный комплекс, остаются все же косвенными доводами, которым поодиночке можно было бы, как замечено выше, дать и иное истолкование. Тем завершающим звеном, которое замкнуло длинную цепь косвенных аргументов в прочное и неразрывное кольцо неопровержимого доказательства, явился новый эпиграфический документ, публикации которого и будут посвящены заключительные страницы исследования.

В 1970 г. в с. Парутино при разборе старого дома был найден каменный блок (на левом его боку сохранились следы цемента), происходящий, как и все подобные «сполии», несомненно, с территории Ольвийского городища (рис. 2). Обломок представляет собой фрагмент постамента из серовато-голубого мрамора с красными прожилками, оббитого со всех сторон, кроме прекрасно обработанных верхней и лицевой (выс. 17, шир. 19, дл. 28 см). На лицевой поверхности сохранилось четыре строки вырезанной по линейкам надписи, обломанной слева и справа и слегка поврежденной выбоинами: высота букв 1,5—1,7, расстояние между строками 0,3—0,4 см. Хранится в Ольвийском заповеднике (б.ш.). В настоящем виде текст выглядит так:

ΟΜΥΡΙΕΤΗΣΧ
 ΗΙΘΕΙΝΑΙΤΩ
 ΞΑΝΔΡΑΤΥΡΑ
 ΑΙΛΛΟΥΣΑΟΤ

¹¹⁴ Зограф. Ук. соч., табл. XXXI, 4, 5; Карышковский. Монетное дело..., с. 12.

¹¹⁵ Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии, 1. Ольвийские монеты с изображением букрания. — СА, 1960, № 3, с. 301—305; он же. Монетное дело..., с. 13.

¹¹⁶ Ср. Рубан. О датировке поселения Козырка II, с. 79.

¹¹⁷ Впрочем, этому соображению я не склонен придавать решающего значения: известно, как часто греческие тираны опирались в своей политике на ту же аристократию, например, в Сицилии или на Боспоре (см. Vinogradov. Die historische Entwicklung..., S. 90 f.).

2. Правая вертикаль *ню* ошибочно вырезана резчиком дважды. || 3. От *сигмы* сохранилась верхняя гаста; на сбое видны следы верхней части полукружия *ро*. Седьмой буквой, судя по следам поперечины и по дистанции от *ипсилона*, могла быть только *тау*. || 4. Неудобное буквосочетание АТЛ и минимальная дистанция заставляют на втором месте восстанавливать *йоту*.

Вопрос о датировке надписи решается довольно легко. Палеография ее в деталях повторяет шрифт декрета НО 4, который, как сказано выше, датируется не только по палеографическим, но и по формульным признакам в пределах первой четверти IV в. до н. э. Характерные особенности той и другой надписи суть: *омикрон* и *тета*, почти вписывающиеся в габариты строки; *ню*, правая гаста которой не выступает сверху над левой, но и не опускается снизу до ее уровня; *сигма* с равновеликими, отходящими под равными углами крайними гастами; *эпсилон* с нижней горизонталью чуть длиннее верхней и со средней — уступающей им в размерах; *омега* с циркульным полукружием, стягивающимся снизу короткими усиками; наконец, легкое, едва заметное апицирование. Единственное отличие наблюдается в *ипсилоне*, плавно выгибающем свои усики, что не должно, однако, указывать на более позднюю дату нашей надписи. Подобный изгиб усиков этой литеры характерен для НО 2, не выходящей по манере письма («декадентный» стойхедон) и формуле типа П за пределы V в. (см. ВДИ, 1981, № 2, с. 73 сл.), а кроме того, наблюдается в НО 3А—Б да, пожалуй, в едва заметной степени и в НО 4. Адекватный выгиб усиков *ипсилона* мы видим в упомянутом выше посвящении Зевсу Элевтерию (IOSPE I², 160), обнаруживающем сходство с публикуемым памятником и в прочих мельчайших нюансах палеографии (*эпсилон*, *тета*, *ню*, *омикрон*, *сигма*, *омега*), что позволяет приписать обе надписи (и, возможно, также НО 4) руке одного резчика или по крайней мере одной школе мастеров, с уверенностью датировав все три первой четвертью IV в. ¹¹⁸.

Уже беглый взгляд на сохранившиеся на камне слова и словосочетания позволяет считать надпись стихотворной. Реконструировать место фрагмента в целом памятнике можно лишь при допущении того, что текст состоял из двух элегических дистихов, установив при этом положение диэрезы в пентаметрах. Ключевой служит стк. 4, содержащая четыре долгих слога подряд: *|αἰ λαοὺς αὐτ-|ο. Как показывает *сигма* в стк. 3, перед ней стояло по меньшей мере еще два слога, следовательно, стк. 4 с καὶ начинаться не могла; спондей же немислим после диэрезы пентаметра. Стало быть, остается признать, что перед левым изломом стк. 4 стояла, как минимум, еще одна стопа. Исходя из этого и учитывая необходимость того, чтобы левые лакуны всех строк были примерно равны между собой, как и все правые, я предлагаю следующую примерную реконструкцию метрической структуры стихотворного текста (цифры в скобках обозначают число пропавших слогов):

$$(4/5) \left[\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \mid \text{—} \cup \cup \mid \text{—} \cup \mid \text{—} \left[\cup \mid \text{—} \cup \mid \text{—} \overline{\text{—}} \right] \right] \quad (7)$$

$$(3) \left[\text{—} \cup \mid \text{—} \text{—} \mid \text{—} \mid \text{—} \left[\cup \mid \text{—} \cup \mid \text{—} \right] \right] \quad (6)$$

$$(5) \left[\text{—} \text{—} \mid \text{—} \cup \mid \text{—} \cup \mid \text{—} \overline{\text{—}} \mid \text{—} \overline{\text{—}} \mid \text{—} \overline{\text{—}} \right] \quad (6)$$

$$(3) \left[\text{—} \cup \mid \text{—} \text{—} \mid \text{—} \mid \text{—} \left[\cup \mid \text{—} \cup \mid \text{—} \right] \right] \quad (6)$$

Иными словами, центровая вертикальная ось лицевой грани памятника должна была проходить где-то примерно по диэрезам пентаметров — после θεῖναἰ в стк. 2 и λαοὺς в стк. 4, т. е. до нас дошло немногим более

¹¹⁸ С этим согласуется и ионизм αὐτ- (= αὐτ-).

второй (считая слева) четверти текста. Повторяю, однако, что при вполне вероятном допущении гекзаметров во всех строках место фрагмента в целом памятнике реконструировать невозможно.

Несравнимо важней, впрочем, попытаться уловить содержание отдельных строк эпиграммы и всей ее в целом. С характером всего памятника (база статуи) согласуется глагол $\theta\epsilon\iota\nu\alpha\iota$ (стк. 2) — «воздвигать, ставить (статую)» или $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\iota\nu\alpha\iota$ in thmesi (возможно, и без предлога, что характерно для литературных текстов) — «посвящать». Перед ним сохранилось окончание либо существительного в dat. fem. sing. - $\eta\iota$, либо глагола в conj., после него — буквы $\tau\Omega = \tau\omega\iota$ или $\tau\omega\upsilon$.

В первой строке сразу же привлекает внимание без труда восстанавливаемое выражение: $\acute{\omicron}$ $\mu\upsilon\rho\iota\epsilon\tau\eta\varsigma$ ¹¹⁹ $\chi[\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma]$ — «тысячелетнее время», появляющееся в литературе начиная с V в. до н. э.¹²⁰ Столь высокопарные выражения, нередкие в насыщенных эпитафиях римского времени¹²¹, даже в эллинистическую эпоху адресовались не простым смертным, но заслужившим своими доблестными деяниями бессмертную славу¹²². Если к тому же учесть, что перед нами не надгробная надпись, а посвяtitельная эпиграмма и, кроме всего прочего, достаточно ранняя, то можно смело сказать, что чествуемый ею (об этом см. ниже) заслужил постановку статуи такими деяниями, славу которых не должно было стереть из памяти благодарных сограждан даже «тысячелетнее время». Ближайшая аналогия двум первым строкам издаваемой надписи находится в одной эпиграмме с Делоса¹²³ в честь некоего Поликлея, который был настолько разумен в советах, настолько отважен в сражениях за родину и скромен в жизни, что граждане поставили ему возле портика статую в надежде, что память о нем тем самым не канет в вечность¹²⁴.

В том же ключе звучит и последняя строка нашей эпиграммы, где ясно читается слово $\lambda\alpha\omicron\upsilon\varsigma$ — «народы» или просто «народ»¹²⁵. Хорошую параллель мы находим в одной вотивной эпиграмме из Аполлонии в Киренаике¹²⁶, которой некий Эвполом посвящает Аресу по случаю победы щит, конские фалары и статую Ники, спасши царю Магу скипетр (т. е. власть), народы и города¹²⁷. Не только эта аналогия, но уже слово $\lambda\alpha\omicron\upsilon\varsigma$ само по себе позволяет с полным правом утверждать, что неизвестный нам гражданин был почтен статуей за то, что он избавил народ ольвиополи-

¹¹⁹ Обоснование такой акцентации (в противовес принятой в Liddell-Scott $\mu\upsilon\rho\iota\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$) см. Gow A. S. F., Page D. L. The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams, II. Cambr., 1965, p. 243.

¹²⁰ Aesch., Prom. 94; Plat., Epinon. 987a.

¹²¹ Ср., например, КВН 145Б.3/4 (I—II вв. н. э.): «твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века ($\mu\acute{\upsilon}\rho\iota\alpha \delta' \alpha\iota\omega\nu$)».

¹²² К примеру, polyandrion из Милета II в. до н. э. (Peek W. Griechische Versinschriften. В., 1955, № 33. 13) прославляет героические подвиги предков высоким стилем: $\mu\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\varsigma \alpha\iota\omega\nu \mu\acute{\alpha}\rho\tau\upsilon\varsigma, \acute{\omicron}\sigma\omicron\nu \kappa\lambda\epsilon\omicron\varsigma \acute{\omicron}[\pi]\acute{\omicron}\tau\epsilon \acute{\epsilon}\nu\epsilon\tau\iota\kappa\epsilon$.

¹²³ CIG 2308; Epigrammatum Anthologia Palatina. Ed. Cougny, v. III. P., 1890, Appendix nova, cap. I, p. 22, № 144; Kaibel G. Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta. В., 1878, № 854. Камень был увезен с Делоса в Венецию. Издатель, к сожалению, эпиграмму не датирует. Г. Кайбель полагает, что сткк. 3—4 могут относиться к Македонской войне 168 г. до н. э.; остается непонятным, по каким соображениям он заключает вторую половину фразы в стк. 2 в скобки и замечает: *nam quod v. 2 ΜΥΡΙΕΤΗΣ traditur, apertus error est*. Более поздних изданий надписи мне найти не удалось.

¹²⁴ Сткк. 1—2: $\text{Εἰκόνα σου, Πολύκλεις, ἀνά παστὰα τὰνδε πολῖται}$

$\theta\eta\kappa\alpha\nu \acute{\omicron} \mu\upsilon\rho\iota\epsilon\tau\eta\varsigma \delta' \omicron\upsilon \mu\alpha\rho\alpha\nu\epsilon\iota \sigma\epsilon \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$.

¹²⁵ См. Liddell-Scott, s.v. Употребление этой формы объясняется тем, что именно ее (а не ион. $\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$) постоянно использует Гомер.

¹²⁶ Chamoux F. BCH, 82, 1958, p. 571—587 = Pouilloux J. Choix d'inscriptions grecques. P., 1960, № 45 (283—250 гг. до н. э.).

¹²⁷ Стк. 4: $\sigma\kappa\eta\pi\tau\acute{\rho}\alpha \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \lambda\alpha\omicron\upsilon\varsigma \kappa\alpha\iota \pi\omicron\lambda\iota\epsilon\theta\rho\alpha \sigma\alpha\omicron\iota$.

тов от какой-то чрезвычайной опасности или снял с него некое тяжкое бремя ¹²⁸.

Но наиболее важной в нашей надписи оказывается стк. 3, в которой сразу же вычленяется слово *ἄνδρα* — «мужа» ¹²⁹. Однако более всего интригуют четыре последних буквы *ΤΥΡΑ*, которые могут быть дополнены лишь двояко ¹³⁰. Прежде всего здесь допустимо восстановить этникон соседней с Ольвией Тире — *Τυρα[νός]*, что я, однако, решительно отвергаю по следующим соображениям. Во-первых, все связи этих двух милетских апоийкй засвидетельствованы, по имеющимся у нас источникам, пока не ранее конца IV в. до н. э., т. е. минимум на полстолетия позднее ¹³¹. Во-вторых, сочетание *ἄνδρα Τυρα[νό]* не подходит не только по стилистическим, но и по соображениям метра (три кратких слога подряд). Наконец, последнее и самое важное: в высшей степени маловероятно, чтобы в ту столь раннюю эпоху, когда ольвийский демос (как и греки вообще) не ставил еще статуй в честь своих собственных граждан ¹³², он награждал такой экстраординарной почестью какого-то чужеземца, сколь великие деяния во славу полиса тот бы ни совершил (см. также ниже, прим. 148).

Все сказанное заставляет отдать предпочтение другому — и единственно возможному, на мой взгляд, — варианту дополнения: *τύρα[ννος]* или производным от него ¹³³. Но поскольку хорошо известно, что термин *ὁ τύραννος* приобрел в политическом сознании греков одиозный смысл уже по крайней мере с VI в. до н. э. ¹³⁴ и в эпиграфике в положительном смысле ни разу не встречен ¹³⁵, то остается признать, что в нашей надписи речь

¹²⁸ Перед *λαοὺς* восстанавливаю *καὶ*, но не исключено и окончание *inf. aor. -σαι* (пом. pl. masc./fem. маловероятен). После него из всех допустимых по соображениям метра вариантов (*αὐτόν, αὐτό, αὐτός*) выбираю последний, поскольку, кроме всего прочего, один асс. в этой строке уже стоит; не исключено, впрочем, и сложное с *αὐτο-*.

¹²⁹ Так как все личные имена на *-άνδρος* и *-άνωρ/-ήνωρ* дают асс. соответственно на *-άνδρον* и *-άνωρα/-ήνωρα*.

¹³⁰ См. Liddell-Scott, *Thesaurus*. Прочие редчайшие слова на *τυρα-* следует, разумеется, исключить.

¹³¹ *Фурманская А. И.* Новый эпиграфический памятник из Тире. — СА, 1960, № 4, с. 173—179 (надпись следует датировать первой половиной III в. до н. э.); *Рубан В. В.* Из истории взаимоотношений Тире и Ольвии. — В кн.: Исследования по античной археологии юго-запада УССР. Киев, 1980, с. 103—106; *Яйленко*. Граффити Левки, Березани и Ольвии, с. 82, № 80; *Диамант Э. И.* Монетные находки Кошарского поселения. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 241—249, рис. 3 (самые ранние ольвийские монеты в Тире — борисфены, чеканившиеся начиная с 330 г. до н. э.).

¹³² Самые ранние прецеденты датируются не ранее, чем на полстолетия спустя (IOSPE I², 25, 325), и были продиктованы, как будет показано в другом месте, чрезвычайными обстоятельствами.

¹³³ Теоретически допустимый третий вариант дополнения — личное имя *Τύραννος* et sim. я отклоняю на том основании, что этот антропоним появляется, во-первых, не ранее II в. до н. э. (да и от этого времени у нас всего лишь три примера; 95% всех подобных имен принадлежит императорской эпохе) и, во-вторых, очень часто в среде рабов и вольноотпущенников; см. *Labarbe J.* L'apparition de la notion de tyrannie dans la Grèce archaïque. — *Antiquité classique*, 40, 1971, p. 480 suiv., not. 38—50; ср. *Bull. ép.* 1973, 95.

¹³⁴ См. *Berve*, I, S. 4 f. Исключением служат малоазиатские династы, в среде которых это потестарное понятие означало просто правителя без какого-либо негативного оттенка; см., например, *Bull. ép.* 1976, 661.

¹³⁵ Единственным известным мне в литературе исключением могла бы служить эпитафия Архедика, дочери Гишия (*Thuc.*, VI, 59), которая характеризуется словами:

ἡ πατὴρς τε καὶ ἄνδρὸς ἀδελφῶν τ' οὕσα τυράννων
παιδων τ' οὐκ ἤρθη νοῦν ἐς ἀτασθαλίην.

Если это вообще не литературная фикция (Аристотель приписывает ее сочинение Симониду Кеосскому — *Arist.*, *Rhet.* I, 9), то все равно обращает внимание противопоставление; она была потомком и родственницей тиранов, но при этом не помышляла ни о каком святотатстве, что лишь подчеркивает одиозность термина.

могла идти только о *свержении* тирана! Наша задача теперь попытаться выяснить чрезвычайно важный контекст, в котором стоит это слово. Поскольку дериваты от *τύραννος*, такие, как *τυραννοκτόνος* и *τυραννοκτονέω*¹³⁶ или *τυραννοφόνος*¹³⁷, суть продукты не ранее чем позднеэллинистической эпохи¹³⁸, восстанавливать их в нашей надписи, связывая с *ἄνδρα* (т. е. народ воздвиг статую «мужа тираноубийцы»), было бы рискованно. Поэтому я считаю более реальным, что в нашей эпиграмме речь шла о некоем ольвиополите, который сверг или убил «мужа тирана», и склонен дополнять, таким образом, после правого излома стк. 3 соответствующий глагол. Так как *(ἐ)φόνευσεν* не подходит по соображениям метра, я останавливаюсь на более вероятном *ἀπέκτεινεν* (*ἀποκτείναντα*) или *κτείνεν* (с поэтической афэрезой), если, конечно, за *τύρα[ννον]* не следовало его имя. Такой вариант восстановления находит великолепную поддержку в знаменитом аттическом сколионе в честь тираноубийц Гармодия и Аристогитона¹³⁹, которые:]

ὄτ' Ἀθηναίης ἐν θυσίαις
ἄνδρα τύραννον Ἴππαρχον ἐκαίνετ'η¹⁴⁰

Надежность предлагаемого дополнения серьезно подкрепляется и разбираемыми ниже клаузулами декрета Эрифр (?) и закона Илиона, содержащими аналогичные выражения, соответственно: *τοῦ ἀποκτείναντος τὸν τύραννον* (Syll³, 284. 3—4) и *[ὅς δ' ἄν ἀποκτείνετ'η τὸν τυραννον]* (OGIS 218.19). То же словоупотребление встречаем и в известном афинском законе против тирании 337/336 г. до н. э. (*Pouilloux*, *Choix*, 32.10/11): *ὅς ἂν τὸν τούτων τι ποιήσαντα* (т. е. попытавшегося водворить тиранию) *ἀποκτείνετ'η, ὅσιος ἔστω*.

Итак, текст частично восстановленной эпиграммы (при допущении элегических дистихов) можно представить в следующем виде:

[—|—] ὁ κοριετῆς χ[ρόνος|—|—]
[—|—]ηι θεῖναι || τω [—|—|—]
[—|—] ὅς ἄνδρα τύρα[ννον ἀπέκτεινεν (?) —]
[—|—]αί λαούς || ἀτ[ός (?) —|—|—]¹⁴¹

Постановка статуи тираноубийцам была в древности одной из наиболее выдающихся почестей, особенно в раннюю эпоху. Прославленные тираноубийцы Гармодий и Аристогитон были удостоены вскоре после окон-

¹³⁶ *Diod.*, XVI, 4, 1; *Luc.*, Tyrannicida, passim; *idem*, de saltat. 65; *Rhet. Anonym.* in Pap. Lond. I, 38, IX, 9; *Plut.*, Mul. virt. 19, p. 256F; *idem*, Glor. Athen. 8, p. 350B; *idem*, de latent. vivendo 3, p. 1128F; *App.*, Civ. III, 33; IV, 94; *Ios. Fl.*, Ant. Iud. XIX. 63, 92, 184; CIG 2659 = Le Bas-Waddington 505 (Галикарнасс, II в. н. э.; ср. *Jacoby F.*, *Herodotos*, RE, Suppl. II, 1913, Sp. 218); остальные примеры см. *Thesaurus*.

¹³⁷ *Anth. Pal.* VII, 388 (Bianor); *Dio Cass.*, XLIV, 35.

¹³⁸ Ср. *Friedel H.* Der Tyrannenmord in Gesetzgebung und Volksmeinung der Griechen. — Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft, I. Stuttgart, 1937, S. 2 f. Приводимый автором термин *τυραννέμαχος* не встречен вообще (судя по *Thesaurus* и *Liddell-Scott*) в греческом языке.

¹³⁹ *Page D.* Poetae Melici Graeci. Oxf., 1962, № 895.

¹⁴⁰ Учитывая популярность этих стихов в древности, нельзя исключить, что ольвийский сочинитель находился в известной мере под влиянием афинского образца.

¹⁴¹ Теоретически возможный вариант: тирана! сверг! народ, а статую посвящена божеству, я отклоняю на том основании, что тогда возникает логическое противоречие — народ поставил (θεῖναι) статую такого-то бога и освободил (избавил) народ же (λαούς), т. е. себя самого?

чательного свержения тирании Гиппия бронзовых статуй, увезенных потом Ксерксом в Персию и впоследствии возвращенных Александром. Это были вообще первые статуи смертных, воздвигнутые афинянами. После Платейской битвы тираноубийцам были сооружены новые изваяния, стоявшие в разных местах Афин: на Агоре, в Керамике, в орхестре, между храмом Ареса и Одеоном, по дороге в город неподалеку от Метроона¹⁴². Закон запрещал ставить возле их изображений какие-либо другие, и лишь в качестве особой, экстраординарной почести в 295/294 г. было разрешено воздвигнуть рядом с ними статуи освободителей Афин Антигона и его сына Деметрия¹⁴³. Раскопки Афинской агоры подарили нам два фрагмента эпиграммы на базе статуй Гармодия и Аристокитона, возможно, работы Антенора, сочинение которой античная традиция (Hephaistion, IV, 6) приписывала Симониду (что сомнительно)¹⁴⁴.

Постановление одного из малоазийских городов, по всей видимости, Эрифр, вотированное, скорее всего, в первые годы III в. до н. э.¹⁴⁵, гласит, что олигархи этого полиса в годы своего правления вырвали меч из рук бронзового изваяния Филита, убившего местного тирана (τοῦ ἀποκτείναντος τὸν τύραννον), подозревая в постановке его статуи акцию, направленную против их власти¹⁴⁶. Декрет предписывает восстановить скульптуру в прежнем виде, а также позаботиться о регулярной чистке ее от патины (ἰού) и увенчании во время праздников, отдавая соответствующие организационные и финансовые распоряжения.

Первая из сохранившихся клаузул знаменитого закона Илиона против тирании, изданного в начале III в. до н. э., предписывает¹⁴⁷: «Кто убьет тирана ([ὅς δ' ἄν ἀποκτείνῃ τὸν τύραννον]), или главаря олигархии, или пытающегося свергнуть демократию, если он полноправный гражданин (ἔναρχος), то пусть получит от города в тот же или на следующий день талант серебра, и народ должен воздвигнуть ему бронзовую статую¹⁴⁸ ([ἄξι εἰκόνα] χαλκῆν αὐτοῦ στῆσαι τὸν δῆμον)». Наряду с этим ему предоставляется до конца жизни бесплатное угощение в притане и две драхмы на день; во время всех агонов глашатаям должен был во всеуслышание пригласить его занять почетное место в первых рядах (εἰς π[ρ]οεδρίαν). Все приведенные свидетельства показывают, каких выдающихся почестей удостоивались в греческих полисах тираноубийцы; одной из первых и самых важных из них было награждение статуей. Такой же высокой наградой был отмечен и неизвестный нам по имени гражданин Ольвии, свергнувший где-то в начале IV в. тиранию¹⁴⁹.

¹⁴² Источники сведены в работах: *Wycherly. Op. cit.*, p. 93—98; *Friedel. Op. cit.*, S. 34—37.

¹⁴³ IG II², 646. 37—40; ср. *Friedel. Op. cit.*, S. 37; *Wycherly. Op. cit.*, p. 97, № 279.

¹⁴⁴ *Meritt B. D.*— *Hesperia*, 5, 1936, p. 355—358, № 1; *Wycherly. Op. cit.*, p. 97 f., № 280; *Thompson H. A., Wycherly R. E.* The Agora of Athens. Athenian Agora, XIV. Princeton-New Jersey, 1972, p. 156—158, tab. 79a.

¹⁴⁵ Syll.³, 284 = *Engelmann H., Merkelbach R.* Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. Bonn, 1970, № 503. О происхождении и дате документа см. теперь *Heisserer A. J.* The Philites Stele.— *Hesperia*, 48, 1979, p. 281—293; ср. *Friedel. Op. cit.*, S. 81 f.

¹⁴⁶ Так вслед за А. Кирххофом правильно интерпретирует соответствующий пассаж Э. Дж. Хейсерер (*Op. cit.*, p. 284).

¹⁴⁷ OGIS 248 = *Frisch P.* Die Inschriften von Ilion. Bonn, 1975, № 25.19—24. Ср. *Friedel. Op. cit.*, S. 85 f.

¹⁴⁸ На упомянутых ниже ксенов подобная высокая почесть не распространялась; это лишний раз убеждает в том, что и в публикуемой здесь эпиграмме чествовался ольвиополит, а не чужеземец.

¹⁴⁹ Не исключено (хотя сведенные выше источники не дают на этот счет никаких указаний), что статуя была ему поставлена по прошествии известного времени посмертно; в таком случае это важное в истории полиса событие следовало бы отодвинуть ближе к рубежу V—IV вв.

Таким образом, всех приведенных на этих страницах аргументов, базирующихся на анализе самых различных источников, на мой взгляд, более чем достаточно для того, чтобы пересмотреть наши представления о политической истории Ольвии V — начала IV в. до н. э. и с полным основанием утверждать, что демократический строй окончательно утвердился в полисе не с момента основания апойкии, но по крайней мере полтора столетия спустя образования Ольвийского государства, придя на смену тирании, державшейся на поддержке верховного владычества Скифского царства. Чтобы нанести завершающий мазок на созданное полотно, нелишним будет оглянуться на политическую историю родственных Ольвии понтийских колоний Милета: какой государственный строй установился в них к V в. до н. э.?

Как мы видели по первой части работы ¹⁵⁰, в Синопе в это время правила тирания, пришедшая к власти, вполне возможно, еще до Тимесилея. По свидетельству Аристотеля (Pol. V, 2, 11, 1303 a 35 sqq.), в Аполлонии Понтийской после принятия добавочных колонистов (эпойков) возникла смута, причины которой следует искать, по всей видимости, в неравноправном юридическом статусе и экономическом положении массы новых поселенцев сравнительно с правившим олигархически контингентом исконных основателей апойкии. В другом месте (Pol. V, 5, 7, 1306 a 9 sq.) автор прямо указывает, что в этом полисе, управлявшемся олигархически, возникла борьба какой-то группы граждан с лицами, расхищавшими общественное достояние и пытавшимися свергнуть олигархию. Это событие должно было иметь место, скорее всего, не позже 425 г. до н. э., когда в Аполлонии уже установился демократический режим ¹⁵¹.

Тот же Аристотель (Pol. V, 5, 2, 1305 b 5) сообщает о победе демократов над олигархией εὐκόρων в Истрии, ставя ее в один ряд с таким стабильно олигархическим полисом, как Массалия. Судя по перманентному характеру достаточно консервативных реформ олигархии ¹⁵², этот режим до своего свержения (не позже IV в. до н. э.) должен был проделать долгий путь исторического развития, так что есть основание отнести его становление еще к архаической эпохе. На предыдущих страницах было показано, что Никоний, который, если судить по его малой эпиграфике, также был, по всей вероятности, дочерним или внучатым высылком Милета, испытывал на себе в V в., подобно Ольвии, протекторат Скила, несовместимый, как отмечено выше, с демократическим образом правления. Наконец, в другом месте ¹⁵³ я пытался доказать, что приход к власти Археанактидов в 480 г. и распространение ими тиранического господства над преимущественно милетскими колониями Боспора едва ли случайно совпадают по времени с политическими переменами внутри Ольвийского государства, но были вызваны к жизни в исходном пункте одной и той же причиной.

Уже давно установлено, что греческий полис, прежде чем прийти к демократическому государственному устройству, должен был проделать долгий путь развития, преодолев ряд промежуточных стадий. Катализа-

¹⁵⁰ ВДИ, 1981, № 2, с. 65—71.

¹⁵¹ В этом году мы встречаем Аполлонию среди членов Афинской архэ (АТЭ, I, 116, 157, tab. 38), что не могло не привести к установлению демократии, за которым последовало копирование некоторых аттических институтов; среди них даже такие консервативные, как календарь (IGBR I², 469 bis; ср. *Виноградов Ю. Г., Русаева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 37). Г. Михайлов относит, однако, оба сасиса к IV в. (IGBR I², p. 344).

¹⁵² Ср. *Lepore E.* Struttura della colonizzazione focea in Occidente.— *La parola del passato*, 25, 1970, p. 41—54.

¹⁵³ *Vinogradov.* Die historische Entwicklung..., S. 70—100.

тором его поступательного движения могли служить внешняя угроза и внутренняя социальная борьба¹⁵⁴. Однако не менее важным фактором, стимулировавшим или замедлявшим этот процесс, была та экологическая обстановка, в которой оказывались и в которой продолжали жить греческие поселенцы. Это соображение, с одной стороны, прекрасно подтверждается, а с другой — и само во многом объясняет родство исторических судеб ионийских полисов, основанных Милетом на берегах Понта Евксинского.

Лишнее подтверждение эта концепция получает при сравнении таких отдаленных друг от друга областей греческой колонизации, как Великая Греция и Причерноморье. И там и здесь заброшенные на край ойкумены, столкнувшиеся с неисчерпаемыми ресурсами, прежде всего с практически неограниченным запасом плодородных земель, вступившие в определенные взаимоотношения с местным населением эллинские поселенцы получили исключительные возможности развивать многие отрасли своего хозяйства такими темпами, которые превосходили ход экономического развития их метрополий. Быстрый экономический рост неизбежно вел к ощутимой имущественной дифференциации и неизменно, при воздействии прочих известных факторов, следовавшей за этим социальной поляризации различных групп населения. А это в свою очередь порождало в названных двух колониционных областях родственные структуры политической организации. Недаром в древности стало почти что поговоркой: *Sicilia est nutrix tyrannorum*.

SINOPE UND OLBIA IM 5. JH. V. U. Z. DAS PROBLEM DER STAATSORDNUNG

Ju. G. Vinogradov

Im ersten Teil des Aufsatzes (VDI, 1981, Nr. 2) bemühte sich der Verfasser zu zeigen, daß das da veröffentlichte Stoichedon-Dekret von Olbiopoliten zu Ehren des sinopaischen Tyrannen Timesileos und seines Bruders Theopropos ediert worden war; die beiden Brüder wurden infolge des Perikles Pontosexpedition vertrieben und übersiedelten anschließend in Olbia. Der vorliegende Aufsatz wird der Staatsverfassung der neuen Heimat der politischen Flüchtlinge gewidmet. Der Verfasser stellt (nach J. Seibert) alle in der griechischen Geschichte bekannten Belege über die Auswahl von Ex-Tyrannen einer neuen Wohnsitz zusammen und kommt zu dem Schluß, daß sie sich gewohnheitsgemäß bei den ihnen nach dem Geist verwandten Alleinherrschern niederließen. Dies legt den Gedanken nahe, daß in Olbia im 5. Jh. auch ein autokratisches Regime bestehen könnte.

Die Ergebnisse der Erforschung der olbischen Münzen sowie eine Analyse der Novelle über Skytes bei Herodot (4, 78-80) lassen mit gutem Grund ein seit dem ersten Drittel des 5. Jh.s vom Skythenreich über Olbia ausgeübtes Protektorat annehmen, das teils von den griechischen Tyrannen — den skythischen Statthaltern, teils von den skythischen Dynasten selbst durchgeführt wurde. Dies belegen die mehrjährigen Emissionen der aus Erz gegossenen olbischen Obole mit dem Namen APIX und die Silberstatere, die von einem barbarischen Herrscher Eminakos geprägt wurden, der auf ihnen ein Emblem vom propagandistischen Charakter prägen ließ: Das Bild vom einen Bogen spannenden Herakles, das mit der ethnogonischen Legende über die Herkunft der Skythen bei Herodot (4, 8-10) korrespondiert. Die ausgesprochene Feststellung beweisen auch die kürzlich ans Licht gebrachten Kupferobole vom olbischen Typ aus der am unteren Dneestr liegenden Stadt Nikonion mit einer Eule und der Inschrift ΣΚΥΑ, d. h. Σκυλα(εω), die neben an-

¹⁵⁴ См., например, *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München⁵, 1977, S. 106.

deren Argumenten eine Annahme ermöglichen, daß der Skythenkönig sein Protektorat von Olbia aus bis zu über Nikonion verbreitete.

Der Verfasser bemüht sich weiter, den Zeitpunkt der Beseitigung der olbischen Tyrannis und des skythischen Protektorats zu bestimmen, und lenkt in diesem Zusammenhang die Aufmerksamkeit auf das plötzliche Auftauchen in Olbia am Anfang des 4. Jh. v. u. Z. des Kultes von Zeus Eleutherios, den schon drei gleichzeitigen Steininschriften belegen. Die Zelebration dieses Kultes in griechischen Poleis wurde, wie eine Reihe der Analogien bezeugt, durch die Befreiung entweder von einer tyrannischen Herrschaft oder von einer barbarischen Bedrohung ins Leben gerufen: in Olbia kann man das eine und das andere zusammen annehmen. Die Polis, die das Joch sowohl der eigenen als auch der fremden Herrscher abgeschüttelt hatte, ließ ihre Chora — wie die archäologischen Untersuchungen zeigen — im ehemaligen Ausmaß auferstehen und die Hauptstadt mit Verteidigungsanlagen, nach dem Beleg mehreren Inschriften, — mit Mauern und Türmen befestigen. Seit diesem Zeitpunkt taucht auf olbischen Münzen zum ersten Mal das Ethnikon auf und geschieht eine rasche Wende im formelhaften Aufbau der Volksbeschlüsse, und zwar vom II. zum III. Formeltyp, die im Unterschied zum vergangenen Jahrhundert (die Typen I und II) nicht koexistieren.

Das letzte und unwiderlegbares Argument zugunsten der Annahme über die Beseitigung der olbischen Tyrannis gegen die Wende vom 5. zum 4. oder im frühen 4. Jh. findet der Autor in einem auf einer Statuenbasis eingemeißelten Weiheepigramm aus dem 1. Viertel des 4. Jh. s. Der mit diesem Bildnis ausgezeichnete Olbiopolit leistete wohl dem Volk (Z. 4 λαούς) ein so immenses Wohlthat, daß die Erinnerung daran sogar die tausendjährige Zeit (Z. 1 ὁ μυριάτης χρόνος) nicht verweisen könnte. Die am Ende der Z. 3 stehenden Buchstaben ἀνδρα ΤΥΡΑ sind nur auf zweierlei Art zu ergänzen: Entweder ins Ethnikon des Bürgers von Tyras — Τυρανός, was nach einigen Überlegungen abzulehnen ist, oder ins Wort τυραννος und seine Derivate. Der früh entstandene odiiöse Sinn des Begriffes «Tyrann» sowie einige herangezogene Parallelen nötigen zu der Schlußfolgerung, daß die Statue einem Tyrannenmörder aufgestellt wurde, was — wie Analogien belegen — die erste und Hauptlehre für die eine Tyrannis stürzenden Bürger war.

Ein kurzer Exkurs in die Geschichte der anderen pontischen Kolonien Milets bezeugt, daß auch dort im 5. Jh. eine nicht demokratische, sondern eine tyrannische oder oligarchische Staatsordnung festen Fuß gefaßt hat, sowie ein Vergleich des Pontosbereiches mit Sizilien läßt einige Ursachen der Ähnlichkeit in der historischen Entwicklung dieser beiden entfernten Kolonisationsgebiete markieren.